

АБАЗЖМР

№ 6 (75)
2008

«Беларус» у шведскім горадзе Кальмар

ТРЫМАЙСЯ ПРАВДЫ!

Шведскія карцінкі

Нават у цэнтры Стакгольма можна вылавіць вялізнага ласоса ды без аніякай папярэдняй апрацоўкі піць водаправодную ваду.

30

На два фронты

Сучасная інтэрнет-журналістыка асабіста мне часта нагадвае гульні, у якой рэгулярна змяняюцца правілы.

8

Няпоўны ваенны тыдзень

У грузінскім сяле Эрэдві натоўп марадзёраў рынуўся на фотарэпарцёраў з віламі. Да гонару кіроўцы-асеціна, ён усё ж дачакаўся, пакуль яго кампаньёны ўскочаць у машыну, і толькі пасля гэтага газануў.

2

Журналістка — жанчына з іншага народа

Пасля многіх гадоў актыўнай працы журналісткі раптам знікаюць з газетных палосаў ці эфіру. Зазвычай прычына адна: дамы выходзяць замуж і адразу — заўважце, адразу! — перастаюць актыўна пісаць ці бегаць з мікрафонам.

54

Menschenrechtspreis 2008

Unabhängiger Journalismus in Belarus –
Engagement für Medienfreiheit und Meinungspluralismus

12. Dezember 2008 in Berlin

Жанна Літвіна атрымала прэмію Фонда Эберта

12 снежня ў Берліне адбылося ўручэнне прэміі Фонда імя Ф. Эберта старшыні ГА «БАЗ» Жанне Літвіной.

Цырымонія папярэднічала прэс-канферэнцыя для нямецкіх журналістаў, якая праходзіла ў будынку Фонда Эберта. Сустрэча доўжылася каля гадзіны, пасля чаго распачалася тэматычная дыскусія з удзелам Жанны Літвіной, старшыні Фонда імя Ф. Эберта Анке Фукс і іншых прадстаўнікоў арганізацыі, дзейнага і былых амбасадараў АБСЕ ў Беларусі, прадстаўнікоў шэрагу міжнародных праваабарончых аб'яднанняў. Дыскусію вёў кіраўнік рэгіянальнага прадстаўніцтва Фонда Эберта ва Украіне і Беларусі Штэфан Хробат.

«Я расцэньваю гэтую ўзнагароду як падтрымку незалежнай журналістыкі Беларусі, — падкрэсліла Жанна Літвіна, выступаючы пасля ўручэння. — Прэмія сведчыць пра тое, што мы не адзінокія ў абароне правоў беларускіх грамадзян на атрыманне аб'ектыўнай, сумленнай інфармацыі... Гэта знак таго, што, наладжваючы дыялог, еўрапейскія інстытуты не збіраюцца ахвяраваць такімі каштоўнасцямі, як правы чалавека».

Выдавец:

ГА «Беларуская асацыяцыя
журналістаў»

Перыядычнасць 1 раз у 2 месяцы
Выдаецца са снежня 2000 г.
№ 6 (75)

Галоўны рэдактар
Уладзімір Дзюба

Намеснік галоўнага рэдактара
Таццяна Мельнічук

Фота

*Дзмітрый Майскі,
Уладзімір Дзюба (вокл. №1),
Photo.bymedia.net*

Выданне зарэгістравана
ў Дзяржаўным камітэце
Рэспублікі Беларусь па друку,
рэгістрацыйны № 1553
ад 12.12.2000 г.

Падпісана да друку 5.01.2009 г.
Дата выхаду 15.01.2009 г.

Фармат 60x84 / 8.
Папера афсетная.

Друк афсетны. Ум. друк. арк. 7,4.
Наклад 500 асобнікаў.

Заказ № _____

Распаўсюджваецца бясплатна.

Адрас рэдакцыі:

220030, г. Мінск,

пл. Свабоды, 17 – 304.

Тэл./факс: (017) 203-63-66,

(029) 126-70-98

e-mail: abajur@baj.by,

baj@baj.by

http://www.baj.by

Друкарня СТАА «МЕДІСОНТ»
ЛП № 02330 / 0056748 ад 22.01.04 г.

Адрас:

220004, г. Мінск, вул. Ціміразева, 9.

Тэл.: (017) 203-74-10, 203-53-41,

8-029-623-74-10

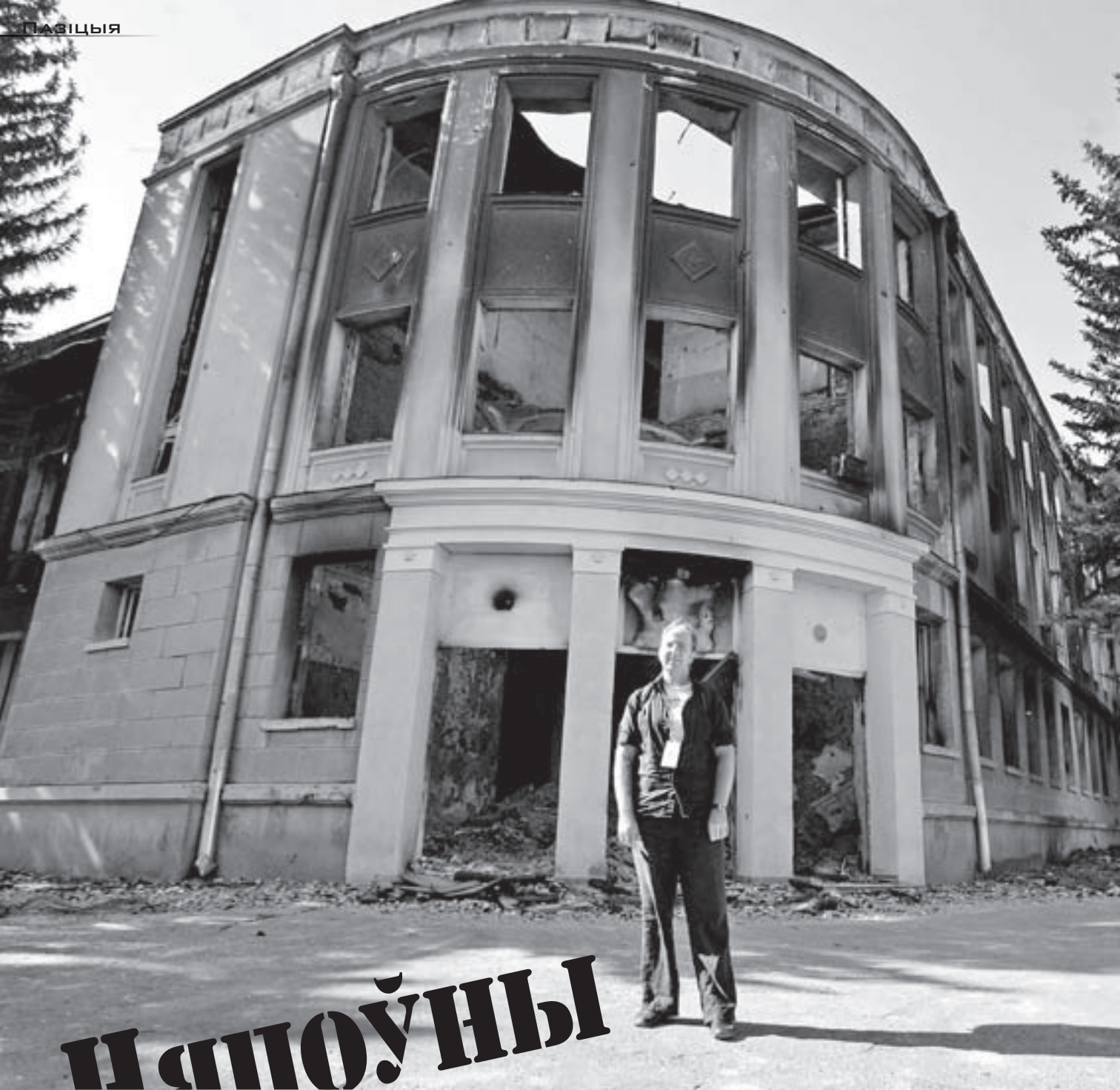
office@medisont.com

www.medisont.com

У адпаведнасці з Законам аб друку
аўтары нясуць адказнасць
за падбор і дакладнасць фактаў,
прыведзеных у артыкулах.

Рэдакцыя можа публікаваць
матэрыялы ў парадку
абмеркавання, не падзяляючы
пункту гледжання аўтараў.

Няпоўны ваенны тыдзень	2
<i>В. Бабак</i>	
Партрэт універсальнага журналіста	6
<i>Т. Гусева</i>	
На два фронты	8
<i>С. Печанко</i>	
Дысідэнты, ці Усё жыццё «Прогулка»	11
<i>С. Гарда</i>	
Пад абажурам	14
<i>Вершы С. Сыса</i>	
Прадаваць інфармпрадукт больш складана, чым яго ствараць ..	16
<i>С. Васільеў</i>	
Чужы досвед	18
<i>М. Коктыш</i>	
Злавіць адказнасцю ды «сеткай»	21
<i>М. Пастухоў</i>	
Перадвыбарчае інтэрв'ю? Толькі пасля выбараў	24
<i>Р. Гарбачоў</i>	
Як я «не дайшла» да парламента	27
<i>Л. Гразнова</i>	
Шведскія карцінкі	30
<i>Ю. Макарчук</i>	
АБ'ЕКТЫЎна. Швецыя, г. Кальмар	31
Аб сацыяльнай несправядлівасці	34
<i>А. Крачэтнікаў</i>	
Рускія і беларусы ніякія не браты. Нават не стрыечныя	35
Вярніце помнік!	39
<i>В. Хурсік</i>	
Неюбілейныя інтэрв'ю з нагоды двух юбілеяў	42
<i>С. Шапран</i>	
А. Ступнікаў: «З усіх краін Усходняй Еўропы толькі ў Беларусі немцы не здолелі ўзняць мясцовае насельніцтва на яўрэйскія пагромы»	48
Шведскі інвестыгетар Малкалм Дыкселіус	52
<i>Б. Каплевіч</i>	
Журналістка — жанчына з іншага народа	54
<i>М. Бяляцкая</i>	
Бярыцеся шлюбам, калі не выноснае расстанне	58
<i>Л. Саенка</i>	
Канфлікт чакання, альбо «Новыя» жанчыны супраць «старых» мужчын?	59
<i>А. Шадрына</i>	

НЯШОЎНЫ ВАЕННЫ ТЫДЗЕНЬ

«Я тут назбіраў тое-сёе, калі ты патэлефанавала наконт інтэрв'ю...»

Юрась перакідвае мне ў камп'ютэр некалькі файлаў: самыя яркія ўражанні, пару фотаздымкаў, тэксты рэпартажаў, перададзеных з зоны канфлікту...

Беларускі журналіст Юрась Карманаў, спецыяльны карэспандэнт агенцтва Associated Press, у Паўднёвай Асеціі правёў амаль месяц — з сярэдзіны жніўня да сярэдзіны верасня.

Большасць журналістаў, што асвятлялі канфлікт у Паўднёвай Асеціі, месціліся ва Уладзікаўказе — сталіцы Паўночнай Асеціі. Тут былі сканцэнтраваныя ўсе перавагі цывілізацыі, на якія ў «гарачай кропцы» разлічваюць ужо не даводзілася. Штораніцы а 9-й па журналістаў прыязджаў спецаўтобус — грузіліся крэма-лёўскі «пул» і некаторыя акрэдытаваныя карэспандэнты замежных СМІ. Каля 13.00 аўтобус прыбываў у Цхінвалі, а ўжо праз чатыры гадзіны прызначаўся час адезду.

«Я прыляцеў ва Уладзікаўказ 18 жніўня. Два дні на спецаўтобусе паездзіў і плюнуў — губляеш 8 гадзін на дарогу, і толькі 4 гадзіны застаецца на працу. Нічога не паспяваў», — распавядае Юрась. Выйсце падварнулася ў асобе асеціна Аліка, шчаслівага ўладальніка белых «Жыгулёў», які пагадзіўся не толькі вазіць, але і ўзяць Юрася і фатографа АР Дзмітрыя Лавецкага ў сваю «хрушчоўку» ў Цхінвалі.

Спаць давялося на падлозе, не распранаючыся. Балазе, ва Уладзікаўказе паспелі «разжыцца» прасцінамі і дарожнымі надзіманымі падушкамі. У 19.00 ужо цягнулася, а электрычнасць адсутнічала, таму рэшту дня бавілі пры кішэнным ліхтарыку, які сілкаваўся ад тэлефоннага акумулятара. Выгодаў нахштат гарачай вады ў апартаменты таксама не было, і таму пытанне асабістай гігіены ўвесь час стаяла рубам.

Спроба наладзіць памыўку ў мясцовай рэчцы Яхве скончылася стрэсам — міма купальшчыкаў у халоднай і мутнай вадзе праплыла пара тупаў. Больш Юрась не эксперыментываў. «Я для сябе вырашыў: тры дні я магу без душы пражыць, а потым мне ўсё ж трэба ва Уладзікаўказ. Тады я вяртаўся на гэтым самым аўтобусіку з калегамі, мы ў бялізну, галіўся, а на наступную раніцу ехаў назад, прыхапіўшы ў краме 3–4 палкі сыравэнджанай каўбасы. Ёю, дарэчы, у асноўным і харчаваліся...»

Персікі

«Карацей, харо-ошая камандзіровачка была...» — першыя 10–15 хвілін размова скакала ў звычайнай жартаўлівай манеры, быццам гаворка ішла пра якуюсь экстрэмальную вандроўку аўтастам... Але нехта з прысутных пытае, якія наступствы вайны давялося пабачыць на ўласныя вочы. «Ды там паўсюль трупы...» — кажа Юрась, і тон гутаркі рэзка мяняецца.

«Кожны раз, едучы з Уладзікаўказа ў Цхінвалі, бачыў, як бульдозеры паступова «зачышчаюць» грузінскія вёскі — проста ўсё зносяць дашчэнт. Спачатку хаты рабуюць, потым падпальваюць, а потым разбураюць, каб нават знаку не засталася і каб грузіны вяртацца не надумалі... Некай мы прыехалі ў сяло Кехві, знакамітае сваімі персікамі. І нібыта ўвесь Цхінвалі выехаў на збор тых грузінскіх персікаў! Пад'язджаем да адной хаты, а на ганку ляжыць абгарэлы труп гаспадары, нябожчыка кляе курыца. Пад плотам — яшчэ адзін труп, таксама апалены. Пах паўсюль проста страшэнны... Я глядзець не мог на тых персікі, не тое што частавацца. А наш кіроўца-асецін нармальна хадзіў, збіраў па хатах антэны нейкія, талеркі. Ён увогуле любіў з намі ездзіць па грузінскіх вёсках...»

«**Пяцёра моцных асецінскіх хлопцаў у зялёных камуфляжных штанах і пыльных вайсковых ботах вышэй за калена загрузваюць у машыну металічныя трубы, дошкі і цэглу. «Гэта не крадзёж, гэта — трафеі», — кажа асецінскі апалчэнец Гарык Мерыеў, згружаючы ў машыну сталовыя прыборы, электроніку, коўдры, харчы і праваслаўныя іконы, вынесеныя толькі што з грузінскага дома ў сяле Кехві».**

Адна з такіх вандровак ледзьве не сталася для групы апошняй. У грузінскім сяле Эрэдві натоўп марадзёраў, незадаволеных павышанай увагай да сябе з боку ўзброеных фотаапаратаў журналістаў, рынуўся на іх з віламі. Да гонару асецінскага кіроўцы,

ён усё ж дачакаўся, пакуль яго кампаньёны ўскочаць у машыну, і толькі пасля гэтага газануў...

У бронекамізэльках ды касках, якія выдавалі кожнаму журналісту, вытрываюць 30-градусную гарачыню было проста немагчыма. Хаця часам яны былі вельмі дарэчы. Напрыклад, пасля прызнання Расіяй незалежнасці Паўднёвай Асеціі, калі ўсе асеціны пагалоўна пілі віно і стралялі ў паветра. Часам у кагосьці рука стамлялася, і кулі ляцелі ўжо куды папала, свісталі проста каля вуха...

«**Святочная страляніна страе разбураны Цхінвалі 26 жніўня, у дзень прызнання Расіяй незалежнасці Паўднёвай Асеціі. Радасць жыхароў выплёскаецца на цёмныя вуліцы. Кожны асецін павінен залпам выціць трохлітровы гарлачык віна. З кожнага аўтамабіля тырчыць аўтамат альбо пісталет».**

Жаўнеры інфармацыйнай вайны

Нарэшце дабіраемся да «праграмага» пытання — пра асвятленне расійска-грузінскага канфлікту ў СМІ. Пяцідзённая вайна і сапраўды выклікала рэкордную колькасць нараканняў на заангажаванасць і неаб'ектыўнасць медыяў — прычым не толькі тых, што належалі бакам канфлікту.

Юрась дастае з нататніка і разгортвае выразку з урадавай «Российской газеты» за 21 жніўня: «Вось справаздача расійскай Генпракуратуры пра факты генацыду асецін. Цытую: «У сяле Цынагар агрэсары расстралялі проста ў царкве мясцовых жыхароў, якія спрабавалі там схаватца. Па сведчаннях відавочцаў, грузінская салдатня выцягвала з дамоў цяжарных жанчын, іх збівалі і забівалі на пацеху натоўпу...»

Натуральна, прачытаўшы такое, я адразу ж вырашыў паехаць у гэтае сяло. Мне кажуць: яно вельмі далёка, за двума горнымі пераваламі. Я ў роздумах. Сяджу ў прыёмнай Эдуарда Какойты

(прэзідэнт Рэспублікі Паўднёвая Асеція), і тут раптам заходзіць у прыёмную дзядуля. Пытаюся, адкуль ён, і раптам высвятляецца, што ён з сяла Цынагар. Пачынаю высвятляць, як там «грузінская салдатня выцягвала цяжарных жанчын». Стары нават не разумее, пра што гаворка, хаця дзядуля відавочна «пры памяці». Я перапытваю: «Дык колькі ў вас чалавек у вёсцы загінула?» Ён кажа: «Ніводнага. І ў царкве нашай Святога Георгія нікога не расстрэльвалі» ...

Нарэшце, вырашаю ўдакладніць, ці адзін Цынагар у Асеціі. Так, кажа, адзін! Дык атрымліваецца, што гэта проста мана!

А пасля я чытаю ў расійскай прэсе абурэння публікацыі: маўляў, па CNN паказвалі кадры з Горы (грузінскі горад у 33 км ад Цхінвалі), а насамрэч гэта быў

Цхінвалі... Дык тое памыліўся замежны канал, СМІ! А тут — на ўзроўні Генпракуратуры... Ёсць розніца?»

«Расійскія міратворцы скардзяцца: нянавісць паміж асецінамі і грузінамі настолькі вялікая, што яны не ў стане спыніць марадзёрства, забойствы і разбурэнне грузінскіх вёсак».

Як высветлілася, на глебе розных поглядаў на журналісцкую місію часам даходзіла да адкрытых канфліктаў з расійскімі калегамі.

«Адна жанчына з «Российской газеты» заявіла мне і журналісту з «Reuters», што мы не разумеем функцыі журналіста, бо мы, маўляў, проста «прадаліся». А сапраўдны, маўляў, журналісцкі абавязак — дапамагаць ураду, папулярызаваць яго палітыку. Хто ж, кажа, як не мы, рускія

грамадзяне, іх падтрымае?! Увесь жа свет супраць нас!» Юрась не згодны быць «жаўнерам інфармацыйнай вайны».

«Едзем мы неяк з Уладзікаўказа ў Цхінвалі, па дарозе ў нас пяць грузінскіх вёсак, дзе вайскоўцы збіваюць шылды з грузінскімі назвамі, разбураюць дамы. Расійскія калегі просяць спыніць аўтобус і робяць «стэндап» на фоне гэтых вёсак: паглядзіце, маўляў, у што ператвораны Цхінвалі... Мы не вытрымалі і кажам: алё, калегі, гэта не Цхінвалі, гэта грузінскія вёскі! Я думаў, што нас там натуральна паб'юць» ...

Аб прафесійным прынце

«Ёсць такое паняцце — бесстароннасць. Гэта значыць, што ты не становішся ні на чый бок, а проста стараешся прааналізаваць сітуацыю. Вось, напрыклад, пабывалі мы ў сяле Ксуісі. Паслухалі грузінаў, якія распавялі нам жахі пра асецінаў, — як тыя забівалі мірных жыхароў, палілі дамы, каб не было куды вярнуцца... Потым мы перайшлі на асецінскі бок сяла — а тут тое ж самае, толькі наадварот. Адзін дзядзька распавядае, што ён пачаў паліць грузінскія дамы пасля таго, як забілі яго сябра, Лёню Дагузава. Ён вядзе ў двор, дзе маці Лёні сядзіць над магілай пад яблыняй, ірве на сабе валасы і крычыць, што побач з яе сынам мусяць ляжаць грузіны ...

А дзядуля, які цягнуў труп Дагузава, не паспеў збегчы ў лес, і яго моцна збілі грузіны.

А вунь там стаіць напалову разбураная ў выніку грузінскага абстрэлу школа ...

А вунь там, у тым жа Ксуісі, жывуць дзве бабулькі — грузінская і асецінская, якія адна адной дагэтуль дапамагаюць ...

Карацей, на вайне ў кожнай кропцы — свая «праўда». Таму мы проста распавядалі пра ўсё, што бачылі».

«Стары аўтобус МНС збірае на сёлах ацалелых грузінскіх старых, каб перадаць іх Грузіі. Але далёка не ўсе

Герб Паўднёвай Асеціі на галоўнай плошчы Цхінвалі

Каляндар з выявай І. Сталіна ў Міжнародным прэс-цэнтры ў Цхінвалі — сталіцы Паўднёвай Асеціі. Асеціны ўпэўненыя, што сапраўднае прозвішча Сталіна — не Джугашвілі, а Джыгоеў, і лічаць яго сваім нацыянальным героем

этычныя грузіны гатовыя з'ехаць. «Я хачу памерці тут, на свайй зямлі», — плача сівая 72-гадовая Тамара Герцытэлі, якая хаваецца ў садзе...

«Мы вытактавалі права на незалежнасць, заплаціўшы сотнямі жыццяў», — кажа 48-гадовая Мадзіна Ікоева, якая пахавала мужа пасля грузінскага абстрэлу. У яе дом патрапіла 6 снарадаў. Яна паказвае мне перакошаную канану на падлозе, на якой спіць».

Рэпартаж Юрася Карманава з грузіна-асецінскага сяла Ксуісі атрымаў статус «The beat of the week» — найлепшы матэрыял тыдня на Associated Press. Ён быў апублікаваны пад грыфам «Impact» — «артыкул уплыву». AP мае больш за 300 бюро па ўсім свеце, і выйграць такую «ўнутраную прэмію» агенцтва надзвычай прэстыжна. Маскоўскае бюро AP, у якім працуе Юрась, за год выпусціла ўсяго адзін рэпартаж, які атрымаў статус «Impact».

Акулярам па «сакрэтных паціцыях»

«Усё лета ў гарах пратырчэў!» — як быццам наракае Юрась. Маўляў, не паспеў вярнуцца з сямейнага адпачынку ў Чарнагорыі, як «падварнулася» Паўднёвая Асеція... Але па бляску ў вачах відаць, што лета ў яго якраз «удалося».

«На персікі, канешне, дагэтуль глядзець не магу... Але гэта ўсё страшна цікавы досвед! Так што, калі зноў куды пашлюць, — пагаджуся. Проста трэба абстрагавацца. Ставіцца да гэтага як да свайй працы», — кажа Юрась.

І ляціць на Кастрычніцкую плошчу, дзе ў дзень нашай размовы таксама абяцала быць «горача» і эмоцый магло быць не меней, чым ва ўзгаданых гарах.

«Расійскія вайскоўцы, якія ўзялі ўладу ў свае рукі, забараняюць журналістам здымаць не толькі паціцыі, але і твары байцоў. Фатараф Дзіма Лавецкі

здымае расійскага салдата, які грае на гітары, седзячы на танку. Раптам з'яўляецца вайсковае начальства, якое ляціць у наш бок з крыкамі: «Яны здымаюць нашы сакрэтныя паціцыі!» «Адкрываю агонь на паражэнне!» — крычыць расійскі камандзір. Не чакаючы загаду, мы з фатографам Дзімам Лавецкім ускокваем у машыну і паспяваем зехаць з Цхінвалі».

Грузіна-асецінскі канфлікт асвятлялі, акрамя Юрася Карманава, яшчэ некалькі беларускіх журналістаў: Васіль Фядосенка, фотакарэспандэнт Reuters, і Віктар Драчоў, фотакарэспандэнт France Presse, былі ў Паўднёвай Асеціі; Сяргей Грыц, фотакарэспандэнт AP, быў у Грузіі.

Фота прадстаўлены Ю. Карманавым. У гэтым выкарыстаныя цытаты з матэрыялаў AP, падрыхтаваных Ю. Карманавым падчас камандзіроўкі ў зону канфлікту.

Гутарыла Вольга Бабак

Корреспонденты «Вечернего Гродно» на массовых мероприятиях по очереди облачаются в собачью шкуру — талисмана газеты песика Гардика Вечеркина — и развлекают прохожих. Их коллеги из регионального издания «Инфа-Кур’ер» верстают авторские страницы и вывешивают новости на сайт. Команда telegraf.by обрабатывает фотографии и владеет языком html. А журналисты интернет-портала gazetaby.com пишут на все темы — от профсоюзов до шоу-бизнеса. Кого из них можно считать универсальным журналистом?

Татьяна ГУСЕВА

И вообще, кто такой журналист-универсал в белорусском медийном пространстве? Акула пера, успешно вписавшаяся в формат радиостанции или телеканала? Или корреспондент + верстальщик + фотограф в одном флаконе, способный выполнить все стадии производственного процесса? А может быть, это талантливый автор, пишущий одинаково интересно на самые разные темы?

Специально для «Абжура» я расспросила коллег, кого они относят к универсалам.

Портрет универсального журналиста

Сергей Сацук, главный редактор электронной газеты «Ежедневник»:

— На мой взгляд, универсальный журналист — это тот, кто способен разобраться в любой теме: от культуры до криминала. Если на Западе журналисты могут годами работать

в одном направлении, то у нас, на постсоветском пространстве, журналистов маловато, вот и приходится становиться «универсальными».

Есть такой афоризм: журналистика — это умение писать о том, чего сам не понимаешь. Если серьезно, то журналист, который берется за тему, должен быть немножко специалистом в этой области. Как-то я беседовал с заведующим лабораторией экстренной психологической помощи, который работает с несостоявшимися самоубийцами, и через минут десять нашего разговора он попросил меня показать журналистское удостоверение: «Не может быть, что вы журналист. Вы слишком хорошо для неспециалиста владеете темой».

К универсалам я причислил бы моего коллегу Вадима Сеховича. Хотя он и специализируется на экономике, но способен вникнуть в любую тему, увлечься ею и увлечь за собой читателя.

Валерий Дорохин, редактор telegraf.by, тоже считает, что качество материала страдает, если журналист не владеет темой, которую разрабатывает.

— У нас в редакции нет жесткого разграничения по темам, и в период отпусков сотрудники нашего ресурса могут подменить друг друга. Это не так заметно читателю, потому что основной наш продукт — короткие новости, и мы не занимаемся репортерской работой. Но я все-таки за узкую специализацию. Я, например, не знаю, сколько мужей у Жанны Фриске, и не смогу сделать материал для светской хроники или отдела развлечений.

А как у них?

Главный редактор регионального приложения «Газета Выборча» в городе Быхов считает, что, если журналист должен был бы писать обо всем, он не знал бы ничего. В этой редакции у каждого журналиста своя узкая специализация. Дежурные репортеры — и те работают каждый в своей сфере: школы, дороги, здравоохранение. Каждый журналист имеет четко определенный участок работы, за который он ответственен. Нередко материалы пишут дипломированные специалисты, а не журналисты.

**Инга
Островцова,
редактор
отдела
новостей
газеты
«Вечерний
Гродно»:**

— Журналисты — люди ленивые по отношению ко всему, что не касается их творческих обязанностей. Но в нашей редакции моим коллегам приходится заниматься вещами, далекими от журналистики. Например, проводить дни подписчика в деревнях и раздавать читателям в подарок стиральный порошок, отслеживать продажи газеты в киосках и магазинах: проверять, не торчит ли в нашем фирменном стояке другая газета или не прячут ли киоскеры «Вечерний Гродно» под прилавком.

Кроме того, наши журналисты проводят конкурсы. Например, по итогам конкурса «Пять чудес Гродненщины» корреспонденты ведут читателя по историческим местам, за которые проголосовала большая часть нашей аудитории. Таким образом мы популяризируем историческое наследие.

В крупнейшей польской газете мне рассказали, как у них делали универсальных журналистов. Отправят, например, корреспондента на пресс-конференцию: он и вопросы задает, и снимает видео, и фотографирует, а в итоге должен выдать видеосюжет для сайта и текст с иллюстрациями для газеты. В результате качество материалов страдало, и редакторы пришли к выводу, что каждый должен заниматься своим делом: корреспондент — писать, фотокор — снимать, а оператор — готовить видеосюжет.

Лично я за узкую специализацию в журналистике. Чтобы сделать работу качественно, нужно на ней сконцентрироваться. Дизайном и инфографикой должны заниматься другие люди. Я уважаю коллег, которые пишут хорошо и одновременно мастера фотожурналистики. Например, Андрей Ленкевич, корреспондент «Нашай Нівы». Его основная работа — фото, но и тексты у него получаются отличные. По-моему, хороший журналист должен быть, в первую очередь, грамотным, каковым он может считаться, если его тексты не содержат фактических и стилистических ошибок. Он должен владеть приемами редакторской правки и уметь передать эти знания менее опытным коллегам.

Алесь Белый, директор ЧУП «Интекс-пресс-регион», главный редактор газет «Нясвіжскі час», «Ганцавіцкі час», «Мясцовы час»:

— Чтобы пояснить, каким должен быть универсальный журналист, лучше всего обратиться к классикам, в частности, языковедения и той же журналистики. В толковом словаре Ожегова однозначно сказано, что универсальный — это разносторонний, охватывающий многое.

Наш коллега Дэвид Рэндалл в книге «Универсальный журналист» говорит о том, что хороший журналист задает вопрос и сомневается. Он не выносит приговор. Он доходит до сути. К этому можно добавить разве то, что критерии такой журналистики — точность, объективность, умение рассуждать и планировать. И, пожалуй, самое главное — постоянно работать над собой, совершенствовать мастерство. Только в этом случае есть шанс попасть в разряд профессионалов, к комментариям и оценкам которых прислушиваются и которым верят, которые умеют работать с людьми и с фактами.

В нашем Издательском доме «Интекс-пресс» универсальным журналистом можно назвать Анжелу Белуш. Если она берется за тему, то четко представляет, как подступить к материалу и выстроить его структуру.

Из молодых хочется отметить Руслана Горбачева. Он в газете сравнительно недавно, но очень во многом преуспел. Социальная тематика, благоустройство, спорт — все эти темы ему доступны и понятны. Если говорить о тех, кто в журналистике давно, то хочется сказать об Анатолии Гуляеве. И в советскую пору его материалы читались с интересом, и сейчас его интервью — неважно, с Иваном Титенковым или электриком с текстильного комбината — обращают на себя внимание.

Как говорит тот же Рэндалл, журналистика бывает хорошей и плохой. Так вот, если журналист универсален, я отношу его к тем, кто занят в хорошей журналистике.

**Ольга Шинкевич,
журналист «Газеты Слонімскай»:**

— В нашей газете практически все универсалы, поскольку в региональных изданиях не хватает журналистов и сорок полос делают четыре сотрудника. Когда мой коллега из отдела спорта уходит в отпуск, я его заменяю. Для меня это сложно, потому что в спорте разбираюсь плохо: я не знаю, какого цвета форма у нашей команды, и в результате страдает качество материалов. Один из недавних примеров: победила наша команда, а я написала счет матча в такой последовательности, как если бы она проиграла. Или однажды в редакцию пришел известный в городе спортсмен и принес фото с соревнований. Я прошу коллегу: «Отсканируй этих боксеров». Спортсмен обиделся: на снимке были каратисты.

Замечать профессионала очень сложно. Поэтому я за узкую специализацию: каждый должен выполнять свои обязанности. Хотя иногда освоение новых тем приносит пользу: ты приобретаешь опыт, который помогает тебе писать на другую тематику. Мне, например, доводилось вести в газете рубрику «Клаксон» для автолюбителей, когда я еще не водила машину.

Наш главный редактор считает, что универсал должен знать основы Indesign, чтобы предложить дизайнеру макет полосы. Еще журналист должен участвовать в процессе верстки написанных им материалов, готовить фотографии к статье. Для редактора выгодно, когда корреспондент выполняет функции мини-редакции: репортер, дизайнер, фотограф и т. д. В принципе, это неплохо: универсальные журналисты региональных газет будут востребованы как профессионалы в республиканских изданиях.

**Анастасия Янушевская,
корреспондент
информагентства «БелаПАН»:**

— Я не журналист по образованию, и от коллег в агентстве определение «универсальный журналист» не слышала. На мой взгляд, универсальным в нашей профессии можно назвать того, кто пишет в разных жанрах, на разные темы или успешно совмещает работу в газете с карьерой на радио или телевидении. Профи такого класса в Беларуси немного. Скорее всего, универсалами становятся поневоле те, кто ищет себя, пробует в разных направлениях журналистики или в силу обстоятельств не может специализироваться на определенной тематике.

Универсальные журналисты — не узкие специалисты. Они должны быть готовы к репортажу при любых обстоятельствах, обязаны знать, как делается любой материал, уметь и информировать, и развлекать. Они способны к редактированию, макетированию, разбираются в тонкостях оформления и умеют управлять редакцией, воспринимать новые технологии, а также создавать и продавать новые газеты.

Дэвид Рэндалл

**Александр Коктыш,
журналист украинской
газеты «День», убежден, что
в Беларуси востребованы именно
универсальные журналисты.**

— Я работал в разных изданиях, занимался новостями, политической аналитикой, экономикой. Мне приходилось писать даже рекламные статьи про унитазы, и меня это не коробило. В других странах в редакциях изданий журналисты работают по иной схеме: профессионалами считаются узкие специалисты по определенной тематике. Возможно, со временем мы к этому придем. Но пока у нас журналист, который, к примеру, пишет на социальную тематику, должен разбираться не только в жилищном строительстве, но и во всем спектре социальных вопросов: пенсии, заработная плата, охрана материнства и детства и т. д.

**Ирина Живаева,
журналист «Русского радио»:**

— Считаю, что я — универсал. На радио и в новостях разных разбираться надо, от экономики до шоу-бизнеса, и озвучивать их грамотно: голос, ударения. Да и записываю, и монтирую сама в саунд-форже. На телевидении — найти людей для сюжета, продумать сценарий, видеоряд, срежиссировать — все это я умею. Разве что монтировать сама еще только учусь — а то ленивые видеоинженеры могут сюжет если не испортить, то сделать серым. И не ведают зритель, что оператор может снять левой ногой (я теперь всегда отсматриваю планы прямо на съемке), а видеоинженер — той же ногой смонтировать. Нюансов куча, а отвечаю за все я — и мое имя стоит в сюжете.

Сённяшні чытач як належнае ўспрымае наяўнасьць ці ня ў кожнай газэты ўласнага інтэрнэт-сайту. Нават раённыя выданьні пачалі засвойваць прастору Сеціва. Замежныя папяровыя СМІ гэтак працуюць досыць даўно. І, як правіла, на базе друкаванага выданьня паўстае цалкам незалежны інтэрнэт-партал, на які працуе асобная рэдакцыя. Асаблівасьцю беларускай сытуацыі ёсьць тое, што з розных прычынаў, часцей за ўсё ў сувязі з бракам людзкіх і фінансавых рэсурсаў, адзін і той жа калектыў працуе на два фронты адначасова — рыхтуе матэрыялы ў друкаванае выданьне й піша для сайту.

На два

Калі мне прапанавалі распавесці пра асаблівасьці адначасовай працы ў газэце й на яе інтэрнэт-сайце, першае, што ўзгадалася, — плянёрка ў рэдакцыі «Нашай Нівы», прысьвечаная акурат гэтаму пытаньню. Было тое, калі не памыляюся, у 2006 годзе. Рэдактар з захаленьнем гаварыў, што вельмі хутка мы ўсе будзем хадзіць зь лічбавымі камэрамі й ноўтбукамі. І кожны з нас будзе сам сабе рэдактар сваёй навіны — знайшоў, апісаў, праілюстравалі з дапамогай фота, а мо й відэа, аформіў і выставіў на сайт. Навіны можна будзе рабіць зь месца падзеяў — з залі суда, вучэбнай акцыі, зь іншага гораду, а то й краіны. У прыклад прыводзіліся замежныя інтэрнэт-рэсурсы, якія акурат пачалі актыўна засвойваць новыя тэхналёгіі. На той момант сайт «Нашай Нівы» ўжо зазнаў кардынальныя зьмены — калі раней гэта фактычна было люстэрка друкаванага варыянту, то цяпер мы мелі інтэрактыўны сайт, які абнаўляўся ўжо ня раз на тыдзень, а ледзьве ня кожную гадзіну. Таму ў словы рэдактара пра перамены ў нашай працы мне ахвотна

Сямён ПЕЧАНКО

ФРОНТЫ

верылася, хоць і падавалася, што адбудзецца гэта ня так хутка.

Ды сумневы былі дарэмнымі. Зьмены наляцелі хваляй, як татальная тэлефанізацыя насельніцтва.

З чым мне й маім калегам даводзіцца мець справу сёння? На сайце nn.by акрамя простых тэкстаў і звыклых воку фотарэпартажаў зьявілася відэа, якое ад пачатку гэтага году суправаджае гутаркі й паведамленьні пра вулічныя акцыі ці культурніцкія мерапрыемствы. Над стварэньнем відэаролікаў працуе некалькі чалавек — цэлы відэаадазел. Трэці год, пачынаючы з Чарнобыльскага шляху 2006 году, журналісты «Нашай Нівы» ладзяць жывыя рэпартажы ў рэжыме on-line. У гэткай жа форме рэдакцыя праводзіць гутаркі з вядомымі асобамі — палітыкамі, грамадзкімі актывістамі, творцамі. Фатаграфы й калюмністы газеты вядуць на nn.by свае блогі. Пры гэтым, зважаючы на досыць сьціплыя рэсурсы, супрацоўнікам рэдакцыі даводзіцца працаваць на газету й на сайт адначасова. У газету пішуць

і супрацоўнікі відэаадазелу, і ўэбрэдактары.

Паспрабуем ацаніць плюсы й мінусы такой адначасовай працы.

Пачнём зь мінусаў. Галоўнай праблемай такой паралельнай працы ёсьць недахоп часу. Нярэдка выпадакі, калі, намагаючыся пасьпець і тут і там, журналіст вымушаны ахвяраваць якасьцю матэрыялаў. Асабліва напружанымі зьяўляюцца пэрыяды, зьвязаныя з выбарамі, а таксама традыцыйна палітычна актыўныя сэзоны — напрыклад, вясновыя акцыі апазыцыі.

Але гэта, бадай, бяда ўсіх маленькіх рэдакцыяў.

Разьвіцьцё мэдычных тэхналёгіяў, якое дазваляе даносіць інфармацыю да спажыўца ўсё хутчэй, абвастрае канкурэнцыю паміж рэдакцыямі СМІ. І часта сьціплы колькасны склад рэдакцыі не зьмяняе жаданьня апырэдзіць калегаў-канкурэнтаў.

Акрамя таго, да мінусаў адначасовай працы таксама можна дадаць пэўнае пачуцьцё дысгармоніі: падрыхтоўка грунтоўнага артыкулу ў папяровую газету

патрабуе ўсё ж больш часу й засяроджанасьці, чымся напісаньне караценькіх, на два-тры абзацы, паведамленьняў. А часам працу над «вечным» даводзіцца перарываць, каб падрыхтаваць штосьці тэрміновае. Ізноў жа — каб апырэдзіць канкурэнтаў.

Трэба ўлічваць і той факт, што аўдыторыя папяровай газеты збольшага адрозьніваецца ад асноўнай масы наведнікаў сайту.

Таму даводзіцца толькі па-добраму зайздросьціць рэдакцыям замежных выданьняў, якія могуць дазволіць сабе дадатковых супрацоўнікаў, засяроджаных на працы выключна над сайтам, ды чакаць на лепшае ў сябе.

Пяройдзем да плюсаў. Безумоўнай перавагай працы на сайт ёсьць апэратыўнасьць. Зьдзівіць кагосьці сёння лічбавым фотаапаратам — вельмі нялёгкая справа, тым больш у вялікім горадзе. Таму часта здымкі, напрыклад, зь месца аўтамабільнага здарэньня, трапляюць у Сеціва хутчэй, чым да пашкоджаных аўто дабіраецца ДАІ. Але калі гаворка вядзецца пра сур'ёзнае выданьне, то без

камэнтароў салідных мужчынаў у форме навіна ператвараецца ў запіс у Жывым часопісе.

Але тут карэспандэнты сайтаў маюць вялікую перавагу, якая дазваляе ня страчваць у апэратыўнасьці й дакладнасьці пры падачы інфармацыі. Усё вельмі проста: неабходныя камэнтары й удакладненні можна дадаць па меры іх атрымання ў абноўленым матэрыяле. У газэту ж матэрыял патрапіць у канчатковым дапрацаваным выглядзе. А можа й не патрапіць зусім. У любым разе ўсё вырашае хуткасьць, а часам і элемэтарнае шанцаваньне. Сьвежы прыклад. Аўтару гэтых радкоў, які ў пляне фатаграфаваньня зьяўляецца сьціплым аматарам, пашчасыціла адным зь першых дзевяці да сваёй рэдакцыі здымкі толькі што адчыненай станцыі мэтро «Кастрычніцкая», апырэдзіўшы сваіх масьцітых калегаў з дарагімі фотаапаратамі.

Дадамо да прыемных бонусаў магчымасьць у любы момант выправіць у сваім матэрыяле памылку — ці то фактычную, ці то граматычную. Такого, на жаль, немагчыма зрабіць у папяровай газэце, калі тая пайшла ў друк.

Урэшце, да пэўнай тэмы можна вярнуцца пазьней, каб распрацаваць яе больш грунтоўна. І ў гэтым, дзякуючы магчымасьці камэнтаваць артыкулы, могуць апэратыўна дапамагчы вашыя чытачы — нярэдка падказка ці дасланая наведнікам сайту спасылка даюць новы кірунак у разьвіцьці журналісцкага матэрыялу альбо, што таксама вельмі важна, дапамагаюць апэратыўна выправіць памылкі й недакладнасьці. У ідэале ад гэтага ў канчатковым выніку мусіць выйграваць і аўдыторыя папяровай газэты — яна атрымлівае такім чынам правэраную інфармацыю. Акрамя ўсяго, чытачы «Нашай Нівы», як і найбольш актыўныя прадстаўнікі аўдыторыі іншых выданьняў, маюць магчымасьць дасылаць свае навіны і ў газэту, і на сайт.

Што датычыць візуальнага фармленьня, то ў гэтым інтэрнэт мае відавочную перавагу.

Напярэдадні 60-й гадавіны ўсеагульнай дэкларацыі правоў чалавека зарэгістраваны ў Літве «Праваабарончы альянс» назваў карэспандэнта «Нашай Нівы» Сямёна Печанко сярод лепшых асобаў, якія спрыяюць справе абароны правоў чалавека.

«Мы ўлічвалі, каб гэта была ня толькі сёньняшняя праца, але і шматгадовы ўнёсак у праваабарончую дзейнасьць. Каб людзі ўкладалі ў справу сваю душу. Гэта вельмі важна. Важна, што хтосьці з нас здольны працягнуць руку дапамогі й выбавіць чалавека зь вельмі складанага становішча», — адзначыла кіраўнік «Праваабарончага альянсу» Людміла Гразнова.

Свае рэпартажы на nn.by я магу суправадзіць дзясяткам здымкаў (уласных альбо зробленых калегамі), а ў газэце гэта нерэальна. Акрамя таго, ваш артыкул могуць перадрукаваць іншыя рэсурсы, з шырэйшай аўдыторыяй. І тут існуе некалькі магчымасьцяў для пашырэння кола чытачоў: выкладаць спасылкі на свае матэрыялы на іншых сайтах альбо пісаць такія артыкулы, якія будуць перадрукоўваць многія.

А яшчэ ёсьць відэа. Колькі словаў пра яго. Цяпер на падзеі ці інтэрвію, што па сваёй значнасьці для публікі проста «прасяць» усебаковага асьвятленьня, выяжджае цэлая брыгада — рэпартэр, фатограф і відэаапаратар. Першы занатоўвае словы, другі — вобразы, трэці — самыя смачныя кавалкі. У выніку на сайце можна ня толькі прачытаць пра новы зборнік Хадановіча, пачыць яго самога, але й пачуць некалькі вершаў у выкананьні аўтара.

Бывае й гэтак, што відэаапаратар адначасова выступае і ў ролі аўтара суправаджальнага тэксту да роліка, то бок працуе аўтаномна. На сайце «Нашай Нівы» відэа, як правіла, выкарыстоўваецца, каб занатаваць

самыя яскравыя моманты падзеі ці гутаркі, выступае ў ролі візуальнай цытаты.

Такім чынам, падсумуем напісанае вышэй. Праца «на два фронты» вымагае немалых высілкаў і нярэдка адбіваецца на якасьці журналісцкіх матэрыялаў. Кампэнсацыяй ёсьць апэратыўнасьць, магчымасьць удакладніць і дапоўніць атрыманую інфармацыю. У маім варыянце (праца ў тыднёвіку) частка назапашаных за тыдзень «сайтавай» працы артыкулаў трапляе ў газэту. Сеціва дае значна шырэйшыя магчымасьці для ілюстраваньня тэкстаў — ад фотаздымкаў да відэа- і аўдыёфайлаў.

Да ўсяго, праца на сайце — гэта няспынная вучоба. У сваіх калегаў я навучыўся шмат чаму: самастойна выстаўляць артыкулы й фотаздымкі на сайт (давялося пазнаёміцца з азамі фоташопу), аздабляць тэксты гіпэрспасылкамі.

Сучасная інтэрнэт-журналістыка асабіста мне часта нагадвае гульні, у якой рэгулярна зьмяняюцца правілы. А паколькі пра большасьць журналістаў можна сказаць, што яны жывуць сваёй працай, то й пра сябе я смела скажу: жыву я гуляючы!

В подавленном настроении покидали редакторы независимых региональных изданий заседание Рады БАЗ. И не по той причине, что в качестве кандидата на получение премии фонда «Цайт» Рада выдвинула не печатное издание, а интернет-ресурс. Скорее, потому, что члены Рады не смогли, точнее, попросту не пожелали соизмерить условия, в которых выходят региональные газеты и то же интернет-издание, и, в конце концов, оценить накопленный не за год-полтора, а за 10–15 лет опыт. Честно говоря, «накатило», и захотелось рассказать, как живем и как «воюем».

Светлана ГАРДА,
редактор еженедельника
«Информ-прогулка» (г. Лунинец)

Диссиденты, или Вся жизнь — «Прогулка»

Почему «Прогулка»?

Лунинецкий еженедельник «Информ-прогулка» зарегистрирован Андреем Вышинским в 1993 году и задумывался как дайджест — «прогулка» по другим изданиям. Творческие, придерживающиеся демократических взглядов люди восприняли независимую газету как возможность свободно высказываться и получать правдивую информацию. В 1999 году, когда несколько «инакомыслящих» журналистов, лишившись работы в государственной районной газете, сформировали костяк «Информ-прогулки», это независимое издание вышло на новый виток жизнедеятельности.

О том, насколько популярной среди населения стала газета, можно судить по тиражу: если в середине 1999 года он составлял тысячу экземпляров, то к 2005 году вырос до 8 500 («районка» тогда снизила тираж с 11 000 до 6 500–7 500). И хотя во время

предвыборной президентской кампании 2006 года наш еженедельник выбросили из государственной торговли, на тираже это сказалось незначительно — своих читателей мы не растеряли.

Диссиденты, не иначе

Что значит быть журналистом негосударственной газеты в регионе? С одной стороны, тебя узнают и уважают те, о ком ты хорошо написал или кому помог в разрешении конфликтной ситуации. И еще те, кто считает тебя честным, порядочным человеком и просто доверяет тебе. С другой стороны, ты становишься эдаким диссидентом, от которого шарахаются и перед которым закрывают двери, боясь, как вируса, проникновения информации, пусть даже малозначительной, в «оппозиционную» прессу. Ты — инакомыслящий, независимый, значит, общение с тобой «чревато»...

За «связь» с независимой газетой наш внештатный автор, член Союза белорусских писателей Вадим Жилко лишился должности в музее (!) — историк, каких мало, он около 15 лет проработал здесь научным сотрудником. С ним попросту не продлили контракт. Вот уж действительно, люди разумные ненавистны могущественным властителям (Эразм Роттердамский).

Где здравый смысл?

Ограничение доступа к официальной информации — проблема не только нашей газеты. Хотя, как говорится, нас гонят в дверь, а мы — в окно... В этом году редакция «ИП» в очередной раз обратилась в местную администрацию за аккредитацией. Райисполком дал разрешение «на освещение общественно-массовых и культурных мероприятий», что, по сути, является завуалированным отказом. В облисполкоме, где мы

обжаловали действия местной власти, нарушений Закона «О печати» не усмотрели, ответив, что исполком вправе «определять для освещения своей деятельности и СМИ, и сферы жизнедеятельности региона для информационного сопровождения». Ну не чушь ли?! Хотя чего ожидать, если на просьбу дать интервью чиновник отвечает: «У меня есть своя газета!»

С местной властью трудно было ладить всегда. Причем нельзя не задаться вопросом: почему каждый последующий руководитель «мудрее» предыдущего? А ведь, как заметил кто-то из великих, философская мудрость века настоящего становится всеобщим здравым смыслом века будущего... Не под сомнением ли оно, это самое будущее?

За время существования нашей газеты сменилось четыре руководителя местной администрации. Закрыть «Информ-прогулку» (в кудуарах это слово едва ли не ругательное) грозилась все, даже «изгнали» из исполкомовского киоска «Белсоюзпечати», чтоб глаза не мозолила. Только факт остается фактом: «они» приходят и уходят, а мы с нашими читателями остаемся.

Каждый журналист независимой газеты осознает: чтобы «оставаться», нужны самоцензура и, разумеется, четкое соблюдение Закона «О печати и других СМИ». В нарушении данного Закона нас пытались уличить не раз. В редакции хранится переписка бывшего главного идеолога района с прокуратурой. В одной из жалоб говорится: «Материалы, публикуемые газетой «Информ-прогулка», носят ярко выраженный ан-

За «связь» с независимой газетой наш внештатный автор, член Союза белорусских писателей Вадим Жилко лишился должности в музее

тигосударственный характер. Комментарии основных политических событий, происходящих в Республике, изобилуют лексикой, используемой в криминальной среде. Резкой и необоснованной критике подвергаются мероприятия, проводимые государственной властью, бездоказательно многие руководители района обвиняются в должностных злоупотреблениях. Все это создает негативный имидж государственной власти». Чиновник требовал

Журналисты и читатели отмечают выход 500-го номера «Информ-прогулки»

приостановить деятельность издания, приложив ряд публикаций из газеты со своими пометками.

Прокуратура, проанализировав тексты, ограничилась объяснением главного редактора, заверившего, что каждая

За время существования нашей газеты сменилось четыре руководителя местной администрации. Закрыть «Информ-прогулку» грозились все

критическая статья может быть подтверждена документально. «Криминальщину» посчитали надуманной. Однако вскоре из райисполкома последовал новый донос с прилагаемой публикацией из «ИП» — только ее одной (речь велась об освоении денег к «Дожинкам»), по мнению идеолога, хватало для закрытия газеты. Вновь, к счастью, все обошлось.

Были и другие жалобы, и суды. Но журналисты отстаивали свои взгляды и свое профессиональное достоинство, как бы трудно ни приходилось. Ведь понятно, как дважды два: потеряв работу, мы лишимся единственного источника дохода. В провинции же опальному журналисту устроиться некуда, разве что на рынок (и то, возьмут ли?).

Главное — аудитория

Стержень нашей работы — сохранение газеты и аудитории. Для региональной прессы, скажем, «Комсомольская правда» и уж тем более интернет-ресурсы — не конкуренты. Люди хотят знать местные новости, читать о себе, о событиях, в которые вовлечены их знакомые. При этом, как показывает практика, читатель, даже самый преданный, сегодня избирателен и привередлив: он не прощает журналистам игнорирования общественных интересов, отсутствия в номере более или менее значимой новости. Читателю нет дела до того, как будет добыта информация, вхож ты или нет в

кулуары власти, он хочет знать и хочет владеть. Тираж в 7 200 экземпляров, согласитесь, — это немало, к тому же от номера к номеру прибавляется и число посетителей нашего сайта. Ради них, ради своих читателей не имеем мы права «спотыкаться», потому что вся наша жизнь — «Прогулка», потому что единственный раз может оказаться последним...

У каждой региональной газеты — своя история, но пережить репрессий и угроз вряд ли чем-то отличается.

Хотелось бы пожелать членам Рады БАЗ пересмотреть свой подход к выдвижению кандидатов на премию, выдерживать предлагаемые немецкой стороной критерии и, возможно, проводить предварительную экспертную оценку изданий-кандидатов.

Сяржук Сыс

Журналіст, паэт. Ягоня творы друкаваліся ў рэспубліканскіх і замежных альманахах, анталёгіях ды іншых выданнях. Сябра Беларускай асацыяцыі журналістаў. Нарадзіўся ў вёсцы Заспа на Гомельшчыне. Жыве ў Менску.

***

Ляціць сузор'е Вадалея
Па галалёдзіцы нябёс
У лес, замецены завейай,
На шлях, засьнежаны наўскос.

Трашчаць прамерзлыя яліны,
Мароз бярэцца ўсё мацней...
Аднак, скажыце, ці павінны
У тым далёкі Вадалей?

Ён сам хацеў у гэты вечар
Цішком пашастаць па зямлі
Ды паглядзець, як тут, у печы,
Мігцяць таёмна вугалі.

Кропля

М. Багдановічу

Я — лёгкая кропля, якую
зусім выпадкова
ранак пакінуў
на барве ліста
прыдарожнай асіны.
Мой час — невядомы,
мой лёс — незваротнасьць,
і стан раўнавагі
праз момант парушыць
вечер-бадзяга.
Сьлязой зіхатлівай
пад ногі людзкія
скачуся
у пыл пакаленьняў, які
рассунецца,
прыме мяне без сумненьняў,
углыб, у былыя вякі.
Там брудам жыцця стану я,
каб змагі
зачапіцца на лісьцях
новыя кроплі расы,
што сарвуцца калісьці.

Я — лёгкая кропля.
Мой час невядомы
сьлязой зіхатлівай
брудам жыцця.

***

Я забіты.
Як належыць барду,
Галаву раструшчыў мне камень,
Маіх воч нянавісьць і пагарду
Груганы дзяўбуць каторы дзень.

Я забіты.
Кроў мая — шпышына
Паабпал змучаных дарог.
Я цябе, зямля мая, пакінуў,
Я цябе, Радзіма, не ўбярог.

Я забіты
ў змрочных камяніцах,
У юдолі велічных муроў,
Дзе схілілі голавы званіцы
Недаруйнаваных кляштароў.

Іншым разам

Іншым разам, здаецца,
цябе не было;
так пасья трыццаці
не бывае дзівосаў...
Толькі здраднікі-рукі
адчуюць цяпло
і нырнуць у твае
саламяныя косы.
Недарэчна размотваць
пачуцьцяў сувоі:
нас цяпер не прымусіш
сустрэцца ніколі...
Іншым разам мой розум
ня ладзіць з табой,
і тады ты мне плаціш
самотай і болем.

Коні верасовага лесу

Пад сытаю поўняй — коні,
Па сініх абшарах — коні,
Лятуць і знікаюць коні,
Шумяць верасы-лясы.
Я чуў іхні бег, здаецца,
Яшчэ да народзін поўні,
Магчыма, прыблуда-рэха
Данесла іх галасы.
Магчыма і так... Ці варта
Ламаць крохкі куфар веры:
Яны недзе тут, я ведаў,
І досыць аб гэтым слоў!
Пазбаўлены сну і волі,
Пазнаўшы адчай пустэльняў,
Я зьведаў абдымкі поля
Густых верасоў-лясоў.
Ляцелі скрозь ноч, скрозь верас,
Няўлоўныя цені коней,
Іх цяжкія грывы вечер
Заблытваў у міражы.
Дальбог, ці было ўсё гэта:
Шум верасу, коні, поўня,
Імклівыя танцы ценяў,
І сам я ці быў, ці жыў?

* * *

Ловіць татка плотак на Дняпры,
Мамка гулянятам ладзіць клетух ...
На глухім стаіўшыся двары,
Я на смак спрабую цыгарэту.

Бацька п'е з суседзямі віно,
Варыць матка сьціплюю вячэру...
Першы раз дзявоцкія ў кіно
Грудзі да рукі сваёй прымераў.

Цягнуць гусі бацю з-пад гары,
А мяне ў жыцьцё зьбірае маці ...
Шмат гадоў адсьнежыць, адгарыць —
Госьцем я цяпер у роднай хаце.

У старога пальцы на курках,
Мама азіраецца на дзьверы ...
Ты мяне, як рыбіну рака,
Выкінь, лёс, на той далёкі бераг.

Ловіць татка плотак на Дняпры,
Варыць матка сьціплюю вячэру.
Цягнуць гусі бацю з-пад гары,
Мама азіраецца на дзьверы ...

* * *

Анатолі Сьсу

Я сынам сваёй Айчыны
завуся да той часіны,
як памяць бунтуе мая:
«Дух — гэта, людзі, Я!»

У шчасьці альбо ў самоце
мне шэпчуць крыльцы ў палёце
гарошкаўскага матыля:
«Дух — гэта, людзі, Я!»

Надзьмесься часам нішчымнай
пыхай, ды раптам — ня гімнам —
ўздыбіцца крыкам зямля:
«Дух — гэта, людзі, Я!»

У восеньскім мокрым суцьменьні
напоўню халодныя жмені
кроплямі словаў з галья:
«Дух — гэта, людзі, Я!»

Паслухайце над небакраем,
як голас Паэта лунае
рэхам бусьліным здаля:
«Дух — гэта, людзі, Я!»

Падарожжа ў зіму

Падарожжа ў зіму пачынаецца ў высьмяглым жніўні,
Калі мроіцца сьнег, а нябёсы працялі рагаціны дрэў,
Нібы шнары ад драпінаў, што сакавік прычыніў мне ...
«Мне білет да зімы! Я так цяжка бязь сьнегу хварэў».

Разьдзімаючы ноздры, ля Сьвіслачы песьціць чаканьне
Хрумсткіх шкельцаў, яшчэ не рашчаўленых днём-немаўлём,
Прачынацца, глядзець у вакно і скрозь шкло партызаніць
За разьведбательнаю зімы, што бязбоязна прэ напралом.

І ня ўбачыць пачатку атакі, якая парушыць
Сьтых вуліц і плошчаў, апухлых ад доўгага сну, статус-кво.
Заміце гэты чортавы горад па самыя вушы
Хоць на зыбкую ноч першабытнай віхуры сяйво.

Вось і ўсё... Міралюбна палягуць сьнягі над Нямігай,
Твой білет — неспраўдны, і зьняты з маршруту зваротны цягнік ...
Падарожжа ў палон да зімы перапыніць адліга,
За якой — Вызваленьне, Кастрычніцкі пляч, сакавік.

Апостраф

Дзекайце і цекайце, калі вы здаровы,
Калі на назе кароткай вы з **кароткім** у,
Толькі не давайце ў крыўду
нашай мовы,
Ні якому іншаземцу, ні яшчэ каму.

Якайце і ёкайце, людцы мае родныя, —
Гэтага ня купіце нават за даляр.
Кропачкі над літарай **е** надзвычай модна,
Вось які ў роднай мовы незвычайны дар.

Як хто недасьведчаны — прачытайце верш яму,
Не — дык джалыце за язык, хай сабе крычыць.
Крык усё ж куды радней, нежак па-тутэйшаму,
Гэта да пазнаньня мовы Арыядны ніць.

Ну а з апанэнтамі будзе досыць проста вам:
Зброю мове выдалі, кожны скажа «ах!».
Хто калі разьятраны — трэсьніце **апострафам**,
Гэтай коскай д'яблавай проста па вушах.

Радыйнік

Я скачу на мікрафоне
за падзеямі ў пагоню,
прэзэнтацыі, прасухі
пераварваю праз вуха,
перамолваю праз крэда:
«Ані слоўца без абеду».
Рэпартажы запіваю
тым, што потым наліваюць,
ды ізноў сабе скачу,
так, што пырскае ўваччу
ад палітыкаў ды «зорак»,
ад Максімаў ды Ягорак.
Дзень за днём, за колам — кола,
з дыктафонам — шпарка, спора!
Я скачу на мікрафоне,
быццам жарабя ў загоне.

Сергей
ВАСИЛЬЕВ

Продавать информпродукт сложнее, чем его делать

По теме

Старшие коллеги говорят, что последние лет десять независимой журналистике живется несладко. Недолюбливают ее высокие госчиновники, не балуют благосклонностью и местные власти. Но, несмотря на то, что независимых общественно-политических изданий с каждым годом становится все меньше, мы по-прежнему ищем справедливость и пишем правду, какой бы горестной она порой ни была, какие бы последствия нам ни грозили.

После выхода очередного номера облегченно вздыхаем и, взяв блокнот, диктофон и фотоаппарат, отправляемся на поиски новых тем и местных сенсаций. Мы с головой погружаемся в процесс создания очередного номера «ГС», в то время как предыдущий продолжает свой нелегкий путь, чтобы попасть в руки читателя.

К такому выводу я пришел после того, как примерил на себя «шкуру» продавца родной «Газеты Слонимской».

В 2006 году киоски «Белсоюзпечати» отказались продавать многие независимые газеты, а РУП «Белпочта» вычеркнуло их из подписного каталога.

С тех пор «ГС» можно купить у распространителей, которых наша читательская аудитория уже знает в лицо. Правда, точки распространения нашей газеты весьма немногочисленны. Возможно, местная идеологическая вертикаль считает, что наши распространители портят городской пейзаж?

Чтобы лучше понять суть данной проблемы, я решил сам на денек стать «бабушкой-распространителем».

«Страшная сила»

Оказывается, для того чтобы продавать газеты, необходимо иметь при себе ряд документов, даже учитывая ситуацию с моим экспериментом. Это и приказ, подписанный главным редактором, и правильно оформленный договор о найме на работу, и копия лицензии на розничную торговлю, где указано место продажи, и товарная накладная на определенное количество единиц, в данном случае — информационного товара. Громоздкая, сложная и пугающая количеством разрешительных бумаг система. Впрочем, она затрагивает многие стороны повседневной жизни каждого белоруса, а не только газетный бизнес.

Бюрократия в нашей стране — страшная сила...

Кто рано встает — тот продает

Это первая истина, которую мне пришлось усвоить. В то время, когда большая часть горожан отправляется на работу,

продавец газеты уже должен стоять на «посту», чтобы каждый желающий мог начать день с прочтения или хотя бы беглого просмотра прессы.

Возвращаясь однажды домой под утро (на часах было 6:15), заметил, что наш распространитель в районе Брестской улицы уже стоял на разрешенном властями месте. Причем торговля у него шла довольно бойко.

Не стой и не молчи

Укомплектовав определенное количество газет и прихватив с собой все требующиеся документы, я занял свое место у магазина «Спутник». Я отчетливо понимал, что основной тираж нашего издания распространяется в среду (в день выхода газеты) и что в четверг дела идут значительно хуже. Осознавал, конечно, и то, что стою далеко не на самом удачном месте.

Оттого, что я просто молча стоял у входа в магазин, мне стало скучно, и, чтобы как-то привлечь к себе внимание прохожих, а точнее, к предлагаемому мной товару, время от времени я стал прогуливаться то в сторону бочки с квасом, то к близлежащей автобусной остановке, изредка произнося фразу: «Свежий номер «Газеты Слонимской»!» Не то чтобы мои дела пошли лучше, но окружающим хотя бы стало понятно, что я не просто так стою у крыльца магазина и держу стопку газет.

Шаг влево, шаг вправо — расстрел!

Так как предоставленное мне место было уж совсем малолюдным, пришлось немного переступить черту дозволенного (хотя, если логически рассуждать, то что я нарушаю, ведь торговля разносная?), и я двинулся ближе

к историческому центру города. Здесь, на углу жилого дома, я и остановился. Дела пошли значительно лучше, ведь поток проходящих мимо людей был намного больше.

Получил предупреждение

Выражаясь языком продавцов, торговля у меня «покатила». Но спустя какое-то время я получил первое предупреждение. Благо, не от блюстителей порядка, а от коллеги — бабушки-распространительницы. «Сынок, а здесь нельзя продавать газету... Нам запрещают — и гоняют постоянно», — пояснила она мне.

И все-таки меня «рассекретили»

В потоке проходящих мимо людей то и дело встречались знакомые лица. Друзья, знакомые и малознакомые люди подходили и интересовались: «Неужели у вас все настолько плохо, что журналисты сами вынуждены продавать газету?» «Нет! — отшучивался я. — Просто меня немного в должности понизили».

Сложности ремесла

Где-то на пятом часу стояния под палящим солнцем мою голову начала одолевать мысль: «А может, ну его!.. Постоял немного, продал кой-чего. Хватит! И почему идея продавать газету не пришла ко мне поздней весной или ранней осенью, когда нет такого солнцепека?» А ведь наши распространители стоят круглый год: и знойным летом, и снежной зимой, и дождливой осенью...

Только ближе к середине рабочего дня я научился лихо управляться с толстой пачкой мелких купюр, перетянутых резинкой, и быстро выдавать сдачу (за это отдельное спасибо Раисе Ивановне, моему учителю математики). При этом я не забывал вкладывать в «ГС» программу ТВ и газету «Отдушина».

Нещадно палило солнце, начали ныть ноги, а стопка газет в моих руках, ставшая заметно меньше, легче почему-то не становилась.

В итоге...

В итоге чуть меньше чем за рабочий день я выполнил норму — продал все газеты в соответствии с накладной (наверное, работодатель усомнился в моих способностях и потому не загрузил под завязку). По словам коллег-распространителей, это неплохой результат. Правда, к концу моего рабочего дня в руках остался один экземпляр программы ТВ. То ли оказалась лишняя, то ли по невнимательности забыл ее кому-то вложить.

Итак, я прочувствовал, каково это — быть продавцом независимой газеты. Нелегкий труд! Ведь продавец весь день, в любую погоду на ногах, старается, чтобы газета дошла до нашего читателя. А местные власти то и дело вставляют палки в колеса и ограничивают места продажи.

Сегодня «Газета Слонімская» переживает не самые лучшие времена. Летом редакция была вынуждена покинуть обжитое помещение, так как арендатор не продлил договор. Сейчас юридический адрес издания (благо, это разрешено законодательством) зарегистрирован по месту жительства нашего главного редактора.

Для приема рекламных объявлений пришлось снять киоск на одном из местных рынков. Журналисты же пишут дома. Несмотря на это, «Газета Слонімская» по-прежнему выходит каждую неделю.

Недавно мы получили очередной отказ «Белпочты» на просьбу вернуть газету в подписной каталог, из которого нас вычеркнули в 2006 году. Пока мы не получили ответ из областного отделения «Белсоюзпечати», куда также направили письмо с просьбой разрешить нам распространяться через киоски.

На сегодняшний момент свободное распространение — одна из самых серьезных проблем всех печатных независимых СМИ.

Например, у нас, в Слониме, всего восемь точек, где разрешена продажа газет. А местные власти категорически отказываются предоставить дополнительные места для продажи «Газеты Слонімская».

Чужой ОПЫТ

Марина КОКТЫШ,
специально для журнала «Абазур»

В Америке журналист не может уйти в отпуск больше чем на две недели.

Лишь отработав в редакции 10 лет, репортер или обозреватель получает право на 4-недельный отдых.

Об этих и некоторых других особенностях работы американских журналистов рассказали в газете «New Sentinel» (Ноксвилл, штат Теннесси, США).

Несекретные материалы

Газете «New Sentinel» — 122 года. Это одно из самых крупных изданий в Теннесси. В штате редакции — 100 человек, из них 13 местных репортеров и обозревателей, 75 внештатных авторов.

Ежедневный тираж — 118 тысяч экземпляров, воскресный — 127.

Газета распространяется в 22 графствах Восточного Теннесси (всего 92 графства).

Система распространения

Как ни странно, способ распространения газеты «New Sentinel» очень похож на систему доставки, которую несколько лет назад вынужденно создала белорусская газета «Народная воля». «New Sentinel» тоже распространяется по подписке и через сеть волонтеров. Доставка — одна из самых расходных статей в бюджете этой американской газеты.

В отделе доставки работает 92 человека. «Несколько десятков человек в нашем отделе занимаются только увеличением количества подписчиков, — рассказывает одна из сотрудниц. — Мы начинаем свою работу в шесть часов утра. Наша задача — распространить в месяц как можно больше экземпляров. Мы понимаем, что, чем больше у нас будет тираж, тем больше мы найдем рекламодателей и тем больше будет денег.

Для того чтобы доставить газету в некоторые районы, мы нанимаем разносчиков. Им детально расписывают маршрутный лист, и они ежедневно приносят газету читателям.

Мы также осуществляем смс-рассылку наших главных новостей или заголовков статей на мобильные телефоны — для этого у нас выделен спецпорт на сайте».

Спецтехника

Заместитель исполнительного директора «New Sentinel» **Том Честер** с нескрываемой гордостью рассказывает про оборудование, которым владеет редакция. «У нас есть свой суперсовременный печатный станок, стоимость которого около 21 миллиона долларов, — говорит Том. — Его делали по заказу в Германии. Для того чтобы доставить станок,

Заместитель
исполнительного
директора Том Честер

понадобилось 80 трейлерных грузовиков. Сборка заняла 17 недель. Таких станков в Америке всего два. Техническая и материальная часть этого агрегата может работать вечно, устаревает только программное обеспечение.

Мы не только печатаем свою газету, но и выполняем мелкие заказы других издательств. На печати чужой продукции зарабатываем около 6 миллионов долларов в год (это общий доход без расходов), на собственной печати — примерно 75 миллионов».

По словам Тома Честера, каждый журналист имеет не только диктофон, но и цифровой фотоаппарат или видеокамеру, которые стоят от 99 до 3000 долларов.

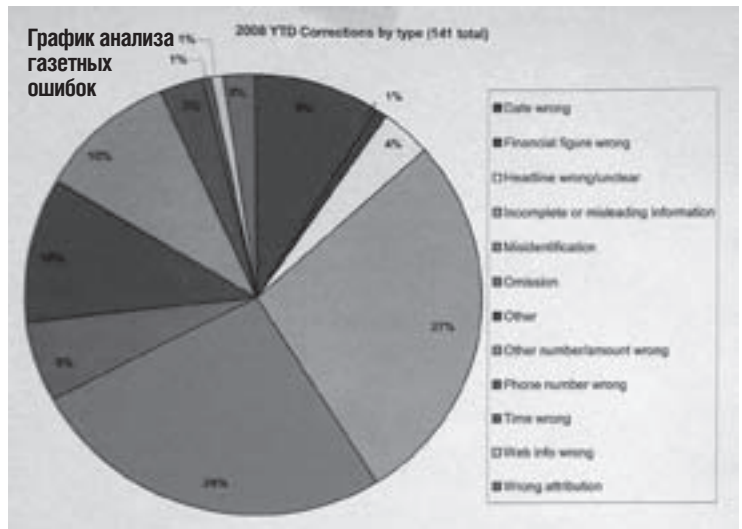
Новость по-американски — это то, чем интересуются ваши читатели.

«За мобильной журналистикой — будущее, — уверен Том Честер. — Поэтому уважающий себя журналист должен уметь не только писать тексты, но и сопровождать их соответствующим видеорядом».

Графики и планы

Стены в огромном зале, где работают журналисты, увешаны различными графиками и сводками.

«Каждую неделю представители разных отделов готовят отчет о том, как распространяется газета, сколько за неделю на наших страницах появилось ошибок и с чем они связаны, — объясняет Том. — Также вывешивается список тем, которые должны появиться в ближайших номерах. В нашей редакции предусмотрено обязательное краткосрочное и долгосрочное планирование — журналист должен знать, над какими темами он будет работать

в ближайшие дни и как минимум в течение шести недель.

Вся эта информация есть в компьютере, и каждый журналист может получить к ней доступ, но мы считаем, что наглядные графики, которые всегда перед глазами, — гораздо эффективнее».

Сколько платят журналистам?

По словам Тома Честера, в отпуск американские журналисты, как правило, уходят лишь на две недели. «Если кто-то хочет погулять подольше, то должен согласовать этот вопрос в индивидуальном порядке с главным редактором, — раскрывает секреты внутриредакционной политики Том Честер. — А вообще в Америке отпуск журналиста зависит от стажа — только через 10 лет ты зарабатываешь 4 недели отпуска».

На вопрос о заработках журналистов Том отвечает так: «У нас очень хитрая система — как

говорят у вас, без пол-литра не разберешься. На начальном этапе журналист зарабатывает 500 долларов в неделю. Это стандартная зарплата журналиста первой категории. Журналист самой высшей, пятой, категории получает около 800 долларов в неделю (дабы подсчитать годовой доход, надо 800 умножить на 52)».

Новая категория обычно присваивается уже через год.

После пяти лет работы в редакции журналист может рассчитывать на прибавку к зарплате. «Если хорошо работаешь, можешь получить уже 1000 долларов в неделю», — говорит Том.

Внештатным авторам платят гонорары в зависимости от размера материала — в среднем 7,5 долларов за 500 слов.

Стандартный гонорар за фото, появившееся на страницах газеты, — 50 долларов.

И еще один важный момент: в офисе «New Sentinel» есть не только буфет, но и спортзал для сотрудников. «Наши журналисты

Издательский цех

должны быть в отличной форме», — говорят в редакции.

Колонка редактора

Раз в год каждый журналист проходит собеседование, на котором оценивается его работа. «Снизить зарплату по результатам этого собеседования не могут, — говорит главный редактор «New Sentinel» **Джек Маккэдрой**. — Могут просто не повысить. У нас из-за этого была настоящая битва с профсоюзом журналистов. В итоге мы договорились, что зарплата зависит от конкретных результатов работы».

Кстати, главный редактор «New Sentinel» читает далеко не все материалы, которые идут в газету. «Этим занимаются мои заместители, — говорит он. — Я вмешиваюсь, если речь идет о каких-то спорных или острых материалах. Большая часть моего времени уходит на кадры, административную работу. Я определяю направление газеты, основные принципы ее развития».

70 процентов американцев считают, что в разгар президентской гонки пресса поддерживала Барака Обаму и что освещение кампании Маккейна было негативным.

Прибыль

«Наше издание неприбыльное, — говорит Джек Маккэдрой. — Доходы снизились на 71 процент — это иллюстрация того, что сейчас происходит

Главный редактор Джек Маккэдрой

со всеми газетами в Америке: они просто не выдерживают конкуренции со стороны интернета».

Сайт

Сайт газеты «New Sentinel» knoxnews.com существует с 1993 года.

«Мы с самого начала выставляли в интернет не только те тексты, которые появлялись в газете, но и обеспечивали эксклюзивное наполнение сайта, — говорит Джек Маккэдрой. — Сначала у нас была разделенная редакция: часть сотрудников работала исключительно на сайт, а часть готовила тексты только для газеты. Но со временем мы пришли к выводу, что это невыгодно. За интернетом будущее, поэтому все журналисты обязаны делать материалы на сайт. Наша цель — через четыре года за счет рекламы в интернете полностью окупать редакцию. Мы считаем, что это возможно. Сейчас

интернет окупает редакцию лишь на 25 процентов».

К сведению: сайт начинает обновляться с шести часов утра. В день выставляется в среднем около 300 новостей. Количество посетителей в месяц — полтора миллиона. В год количество посетителей на сайте растет на 35–40 процентов.

Сайт финансируется из общего бюджета редакции.

Реклама

Отдел рекламы и журналисты в редакциях американских газет обычно размещаются в разных концах здания.

«Это сделано специально: рекламщики не должны вмешиваться в работу журналистов, — говорит Джек Маккэдрой. — И мы можем отказаться от рекламы, если она противоречит нашим принципам. В конечном счете, один процент рекламы ничего для нас не решает. Для нашего бизнеса важно говорить правду, чтобы не потерять доверие читателей».

К слову, реклама для интернета в «New Sentinel» собирается отдельно.

В США не надо получать лицензию на то, чтобы издавать газету. Лицензия нужна лишь в том случае, если вы хотите открыть радиостанцию.

Ракурс

Дэвид ГРИН, преподаватель этики средств массовой информации университета Теннесси:

— В последнее время в Штатах многие скептически относятся к средствам массовой информации, не доверяют им и все время ищут тех, кто влияет на точку зрения журналистов. Работать так, чтобы вызывать доверие, — вот к чему должен стремиться каждый журналист.

Журналисты вправе писать о правительстве все что угодно — это часть их работы. В ответ на замечания или критику представители власти могут говорить, что журналист непатриотичен, что он плохо делает свою работу. Но если это не влияет на продажу вашего издания, то какая разница, что они говорят?..

Обычная редакция

Поймать ответственностью и «сетями»

Михаил ПАСТУХОВ,
руководитель Центра
правовой защиты СМИ
при ОО «Белорусская
ассоциация журналистов»

Власти приняли очередной закон, направленный на ограничение свободы информации

Перед завершением срока своих полномочий «уходящие» парламентарии приняли закон, который, как представляется, долго будут поминать недобрым словом независимые журналисты, представители неправительственных организаций, обычные граждане. Речь о Законе «Об информации, информатизации и защите информации», который вступит в силу через 6 месяцев после его официального опубликования.

Немного истории

На данный законопроект юристы ОО «Белорусская ассоциация журналистов» обратили внимание сразу же, как только появилась информация о его разработке. Но попытки «добыть» текст долгое время были тщетны. Работа над законопроектом велась в режиме строжайшей секретности. «Плод труда» разработчиков удалось увидеть лишь тогда, когда документ поступил в парламент.

Из Комиссии Палаты представителей по промышленности, топливно-энергетическому комплексу, транспорту, связи и предпринимательству в ответ на обращение БАЗ пришел-таки ответ. Более того, Комиссия предложила высказать свои соображения по предоставленному тексту законопроекта и делегировать специалиста для участия в рабочей группе по обсуждению документа.

Знакомство с предложенным текстом (законопроект от 9.10.2008) подтвердило самые

худшие опасения: закон вознамерился «перекрыть кислород» всему белорусскому обществу — лишить нас всесторонней, своевременной и объективной информации.

От имени организации мы направили в адрес парламентской комиссии замечания и предложения по многим статьям законопроекта. Решением правления БАЗ меня делегировали в состав рабочей группы.

В эту группу входили разработчики законопроекта, представители от Национального центра законопроектной деятельности при Президенте Республики Беларусь, Государственного центра безопасности информации при Президенте Республики Беларусь, юридического отдела Секретариата Палаты представителей, Министерства связи и информатизации и другие заинтересованные лица.

Признаюсь не без досады: мои попытки показать антиконституционность и юридическую некорректность ряда положений законопроекта не

принесли успеха. Ситуация «борьбы с мельницами» не однажды и раздражала, и угнетала. Несколько раз я пропускал заседания, но на новых всё повторялось. Критика, однако, не была совсем уж бесплодной: редактировался текст многих статей, некоторые нормы были исключены из проекта, стало меньше отсылок на «иные законодательные акты».

На самое заседание Комиссии, где обсуждался после доработки «информационный» законопроект, меня не пригласили. Как и следовало ожидать, заседание прошло тихо и гладко: законопроект был рекомендован к обсуждению на сессии парламента. Свое первое обсуждение в овальном зале он прошел «без сучка и задоринки».

Потом неожиданно в повестку парламентской сессии был включен проект закона «О средствах массовой информации». Он привлек к себе повышенное внимание экспертов, белорусских журналистов и международных организаций. История с принятием закона о СМИ вышла скандальной, о чем немало написано на страницах независимой прессы.

Но 9 октября с. г. депутаты нижней палаты парламента на внеочередной сессии приняли во втором чтении законопроект

«Об информации, информатизации и защите информации». (Этот вариант законопроекта был размещен на портале www.pravo.by, и по правилам парламентской процедуры его текст более не должен был изменяться. — Авт.)

После Закона «О средствах массовой информации» это уже второй «информационный» закон, который может существенно ограничить свободу слова. Впереди, как обещано, — принятие правительственного акта, которому надлежит урегулировать порядок регистрации и деятельности интернет-изданий.

Что представляет собой «трехглавый» закон?

Закон «Об информации, информатизации и защите информации» охватывает как бы три сферы общественных отношений, связанных между собой. Раньше каждая из этих сфер имела свое правовое регулирование. Например, вопросы получения, хранения и распространения информации в значительной степени регулировались Законом «О печати и других средствах массовой информации» от 13.01.1995 г., вопросы информатизации — Законом «Об информатизации» от 06.09.1995 г., другими законодательными актами.

Однако кого-то не устраивал действующий порядок. Либо — что очевидно — понадобилось однозначно указать и законодательно закрепить: в стране «не должно сметь свое суждение иметь», а тем более распространяться о чем-то, чего властям не угодно ни видеть, ни слышать.

Сам Закон получился небольшой — всего 44 статьи, объединенные в 9 глав. (Для представления полезно перечислить эти главы, сами названия весьма «говорящие»: 1) общие положения; 2) государственное регулирование и управление в сфере информации, информатизации и защиты информации; 3) правовой режим информации; 4) распространение и (или)

предоставление информации; 5) информационные ресурсы; 6) информационные технологии, информационные системы и сети; 7) защита информации; 8) права и обязанности субъектов информационных отношений; 9) заключительные положения.)

Весьма показательны ключевые слова, которые употребляются в тексте этого Закона: «владелец программно-технических средств, информационных систем и сетей», «государственная информационная система», «государственные информационные ресурсы» и т. д. и т. п.

В сферу действия Закона попадают общественные отношения, возникающие при:

- поиске, получении, передаче, сборе, обработке, накоплении, хранении, распространении и (или) предоставлении информации, а также пользовании информацией;

- создании и использовании информационных технологий, информационных систем и информационных сетей, формировании информационных ресурсов;

- организации и обеспечении защиты информации.

Формально Закон не распространяется на отношения, связанные с организацией и деятельностью СМИ. Тем не менее, как следует из некоторых статей (ст. 5 «Субъекты информационных отношений» и ст. 6 «Право на информацию»), деятельность СМИ и журналистов может находиться в поле регулирования этого Закона.

Базовой частью Закона является глава 2, посвященная регулированию и управлению в сфере информации, информатизации и защиты информации. Здесь определяется система государственных органов, которые осуществляют такое регулирование и управление, а точнее, контроль за информацией. В систему этих органов, в частности, включены: Президент, Совет Министров, Оперативно-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь

(при обсуждении законопроекта в первом чтении он имел наименование «Государственный центр безопасности информации при Президенте»). — Авт.), Министерство связи и информатизации, Национальная академия наук и «иные государственные органы». Каждый из этих органов наделяется соответствующей компетенцией в информационной сфере.

Детальному регулированию в Законе подвергается вся информация (глава 3). Она подразделяется на общедоступную и информацию, распространение и (или) предоставление которой ограничено. Ко второй категории, в частности, относится:

- информация о частной жизни гражданина и персональные данные;

- сведения, составляющие государственные секреты;

- информация, составляющая коммерческую и профессиональную тайну;

- информация, содержащаяся в делах об административных правонарушениях, материалах и уголовных делах органов уголовного преследования и суда;

- «иная информация, доступ к которой ограничен законодательными актами Республики Беларусь» (ст. 17 Закона).

Для того чтобы не оставалось сомнений, что значительная часть информации выведена из оборота, в части второй ст. 17 специально подчеркивается: «Правовой режим информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено, определяется настоящим Законом и иными законодательными актами Республики Беларусь». Что это за «акты», можно только догадываться.

Характерно, что информационные ресурсы подлежат государственной регистрации. При этом государственные информационные ресурсы должны регистрироваться обязательно, а негосударственные — на добровольной основе (правда, не совсем понятно, как это будет происходить. — Авт.).

Кроме информационных ресурсов, Закон выделяет информационные системы как совокупность банков данных, информационных технологий и комплекса (комплексов) программно-технических средств. В свою очередь они подразделяются на государственные и негосударственные, общедоступные и ограниченного доступа.

По определению Закона (ст. 25), государственные информационные системы создаются в целях предоставления общедоступной информации, обеспечения ее объективности, полноты и достоверности, оказания информационных услуг, оптимизации деятельности государственных органов и информационного обмена между ними. Что касается негосударственных информационных систем, то они создаются физическими и юридическими лицами и цели у них совсем другие: удовлетворение своих информационных потребностей и (или) оказание информационных услуг.

Особое место в Законе отводится главе 7 «Защита информации».

Так, в соответствии со ст. 29 Закона предусматривается целый комплекс мер по защите информации:

— правовые меры (это договоры между обладателем информации и пользователем, в которых устанавливаются условия пользования информацией, а также ответственность сторон по договору за нарушение указанных условий);

— организационные меры (обеспечение особого режима допуска на территории (в помещения), где может быть осуществлен доступ к информации (материальным носителям информации), а также разграничение доступа к информации по кругу лиц и характеру информации);

— технические меры (меры по использованию средств защиты информации, в том числе криптографических, а также систем контроля доступа и регистрации фактов доступа к информации).

Кроме того, в государственных органах и структурах юридических лиц, осуществляющих обработку информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено, должны быть определены структурные подразделения или должностные лица, на которых возлагается ответственность за обеспечение защиты информации.

Какую опасность таит в себе Закон?

Первая и главная опасность Закона: путем выделения сегмента под названием «информация, распространение которой ограничено», он выводит из оборота значительный объем сведений, которые раньше могли свободно распространяться. Недопустимым с правовой точки зрения является то, что список такой информации не носит исчерпывающего характера и завершается пунктом «иная информация в соответствии с законодательными актами Республики Беларусь». Это означает, что сфера «ограниченных» для распространения и (или) предоставления сведений будет неуклонно возрастать, оставляя все более узким сегмент «общедоступной информации».

Нет нужды объяснять, к чему может привести применение этого, казалось бы, «технического закона»: гарантированная Конституцией свобода информации (ст. 34 Конституции) будет подвергнута дальнейшему «обрезанию». Значит, в этой части Закон «Об информации, информатизации и защите информации» следует признать не только недемократическим, но и антиконституционным.

Вторая опасность, исходящая из упомянутого Закона, состоит в том, что вся информация, циркулирующая в обществе, будет подлежать тщательному контролю со стороны специальной системы государственных органов и учреждений (условно говоря, «информационной вертикали») во

главе с Президентом, при опоре на Оперативно-аналитический центр при нем же. Вся информация, включая персональные данные о гражданах, становится достоянием государства. Сами же граждане вправе знакомиться лишь с информацией, «*затрагивающей их права и законные интересы, в порядке, установленном настоящим Законом и иными актами законодательства Республики Беларусь*» (ст. 6 Закона).

Третья опасность, которую несет Закон, состоит во введении принципа государственной регистрации так называемых информационных ресурсов, систем и сетей. Напомним: государственные информационные ресурсы, системы и сети должны регистрироваться обязательно, а негосударственные — пока на добровольной основе.

Как понимать термин «государственная регистрация»? Он предполагает необходимость учета видов и содержания информации, которой располагают государственные органы (организации), и введение контроля за предоставлением такой информации по чьим-то запросам. И эта система обеспечивается ответственностью должностных лиц за нарушение установленных требований.

Такие ответственные обладатели вряд ли предоставят кому-то информацию, а от журналистов, оппонированных политиков и просто «слишком умных» граждан ее будут хранить как государственную тайну.

И здесь проясняется истинная цель заказчиков Закона — лишить общество сведений о государственных делах. Для этого достаточно перекрыть поток информации между государством и обществом.

Правда, попытки загнать информацию о деятельности государства в хранилища (даже с современными названиями «информационные системы и сети») сродни сизифову труду: из «сетей» она все равно будет вырываться через многочисленные «дыры».

Парламентские выборы в Барановичах пролетели как один миг. Не в том смысле, что были настолько захватывающими и интересными, а в том, что их мало кто успел заметить. Что тут говорить, если отдельные кандидаты в депутаты на протяжении всей избирательной кампании упорно прятались от журналистов.

Руслан ГОРБАЧЕВ

Предвыборное интервью? Только

после выборов!

Вступление

Еще перед официальным стартом избирательной кампании о своем неучастии в ней заявил, пожалуй, самый яркий и неоднозначный депутат, когда-либо представлявший Барановичи в Палате представителей, — Николай Сергиенко. Из интервью, которое он дал независимому еженедельнику «Intex-press», можно было сделать вывод, что его кандидатуру на очередной парламентский срок не одобрили местные власти. Парламентарий, видимо, решил на прощание хлопнуть дверью и откровенно ответил на большинство вопросов. В частности, депутат отметил: «Честно вам скажу: в парламенте можно вообще ничего не делать. Приходишь на пленарные заседания, сидишь, потом чай пьешь, ездешь, смотришь. Если хочешь, можешь вообще на заседания не приходить». При этом он, правда, добавил, что «таких депутатов практически не осталось».

Удивительно, но никакой реакции в городе это интервью Сергиенко накануне парламентских выборов не вызвало. Остальные кандидаты в депутаты из нашего региона молчали, словно в рот воды набравши. Решив, что активности в общении с прессой от них следует ожидать чуть позже, и еще не догадываясь, что это был первый звонок, я сосредоточился на стартовой избирательной кампании.

Предвыборный детектив

Уже на этапе регистрации кандидатов в депутаты в Барановичах появились первые потери. У всегда открытого для общения с прессой врача скорой помощи, писателя и члена Партии коммунистов Белорусской Александра Галькевича окружная комиссия обнаружила большой процент недействительных подписей, собранных при выдвижении. Так и не увидев, несмотря на все просьбы и жалобы, эти «забракованные» документы, врач регистрацию не прошел.

Чисто с профессиональной точки зрения меня это поначалу не сильно расстроило, т. к. по Барановичскому-Западному округу № 5, Барановичскому-Восточному округу № 6 и Барановичскому сельскому округу № 7 было зарегистрировано по два кандидата. Как мне показалось, с весьма полярными взглядами на экономическую и политическую ситуацию в стране. Намечалась интересная борьба между кандидатами, рассчитывавшими на административный ресурс, и кандидатами, опиравшимися на протестный электорат. Думалось, эти претенденты на депутатское кресло сумеют донести избирателям через СМИ все точки зрения на существующие в стране реалии. Как я ошибался!

После совещания в редакции мне поручили организовать между кандидатами в депутаты заочные дебаты. Разработав вопросы, я намеревался получить на них ответы всех претендентов на депутатское кресло. Прежде всего, я решил обратиться к кандидатам, которых, по мнению экспертов, «рекомендовали» местные власти. И вот здесь началось то, чего я никак не ожидал и, откровенно говоря, не могу понять до сих пор.

Звоню действовавшему депутату, генерал-майору Анатолию Ваньковичу. «Интервью? Хорошо, перезвоните мне через неделю», — говорит генерал. Но через неделю его телефон не отвечает. Следующие 14 дней набираю номер депутата постоянно. Телефон иногда отключен, но чаще всего просто не отвечает. В Барановичах генерала, живущего в Минске, вроде бы не видели.

«Может, случилось чего?» — подумал я, обращаясь за помощью (такова уж региональная специфика) в отдел идеологической работы горисполкома. Мне пообещали помочь организовать интервью с генералом, но дальше обещаний дело так и не пошло.

Параллельно я «вылавливал» гендиректора ОАО «Гарант-Сервис» и депутата Горсовета Светлану Пищ — кандидата в депутаты Национального собрания по второму городскому избирательному округу. Предпринимательница неделю ссылалась на занятость, отмахивалась от меня, как от назойливой мухи, но в конце концов назначила день встречи.

В заранее договоренный час набираю ее номер. «У меня времени очень мало, сможем поговорить, если

вы подъедете прямо сейчас», — последовал ответ. Через 22 минуты я уже был на ее рабочем месте. Но оказалось, что я приехал поздно, и вообще госпоже Пищ через 10 минут нужно было отправляться на совещание. Удивившись тому, что кандидат в депутаты перепутала меня с Бетменом, я все же договорился о встрече через полтора часа. Через два часа она подняла телефонную трубку и попросила прислать вопросы по факсу. Ни в тот день, ни в последующую неделю депутат Горсовета на мои звонки больше не отвечала.

После этого до меня, наивного, наконец дошло: кандидаты в депутаты от меня... прячутся! В разгар агитационной кампании они изо всех сил старались избежать общения с прессой! Образно говоря, пчелы были против предложенного им меда! Можно ли такое представить в какой-либо другой цивилизованной стране?!

Окончательно меня «добил» действовавший депутат по сельскому округу Владимир Майсюк.

На предложение выступить на страницах нашей газеты бывший строитель, шедший в парламент на второй срок, угрюмо ответил: «Только после выборов».

О наболевшем — о мороженом

Неумолимо приближалось 28 сентября, а выборы в Барановичах все больше напоминали театр абсурда. Прекратив отчаянные попытки поговорить с кандидатами «от власти», я сосредоточил усилия на их оппонентах: предпринимателях Анатолии Пашко и Николае Черноусе, а также слесаре-ремонтнике Григории Грыке. Эти претенденты на депутатское кресло шли на контакт, можно сказать, охотно, но, несмотря на это, хлопот все же доставили немало.

Зачастую в ответах этих кандидатов, чей политический талант вызывал сомнение даже в кругу их соратников, было трудно найти логику. Еще труднее было понять, почему кандидаты постоянно обращают внимание на несущественные обстоятельства. Так, в значительной части ответов Григория Грыка красной нитью проходила тема... мороженого.

Из ответа на вопрос: «Как вы считаете, почему избиратели должны быть заинтересованы проголосовать за вас?»

«Все поездки (по сбору подписей для выдвижения кандидатом в депутаты. — Авт.) я оплачивал из своей зарплаты. А поездка в Ляховичи — это билеты на четырех человек туда и обратно, плюс бутерброды, плюс мороженое...»

Из ответа на вопрос: «Нужно ли возвращать отмененные льготы?»

«Летом я ездил в автобусах и видел, как отдышавшим детям действовали на психику. Бедных деток, которые ехали без билетов, экономя на мороженое, ловили контролеры».

В общем, было грустно и смешно. До слез. Чтобы газету «Intex-press» не обвинили в превращении выборов в цирк, ваш покорный слуга

и редакторы все курьезные моменты в ответах кандидатов постарались свести к минимуму.

Пока мы пытались представить нашим читателям хоть какие-то материалы о кандидатах в депутаты, другие городские СМИ о выборах, казалось, старались забыть. Государственная районная газета «Наш край» и местное телевидение еще до старта избирательной кампании посвятили несколько материалов и сюжетов работе действовавших депутатов и благотворитель-

ным акциям Светланы Пищ. А в период агитации, за исключением публикации предвыборных программ кандидатов, ограничились напоминаниями о досрочном голосовании. Еще одна городская негосударственная газета «Шаг», наверно, опасаясь писать о политике, выборы и вовсе «бойкотировала».

Удивительное рядом

Что касается вопроса о предоставлении информации в участковых и окружных комиссиях, то ответ на него был положительным вплоть до начала досрочного голосования. Спустя три дня после открытия избирательных участков я спросил в городских окружных комиссиях о количестве досрочно проголосовавших. Дежурные отправили меня к секретарям (не председателям!) комиссий, они же сотрудники отдела идеологической работы Барановичского горисполкома.

Один из секретарей удивленно развел руками: мол, не собираем мы такой информации. Тут уже удивился я: если вы ее не собираете, то на основе чего Центризбирком дает общие сведения по областям?

Немного поразмыслив, секретарь предложил обратиться за данными о количестве досрочно проголосовавших к начальнику отдела организационно-кадровой работы горисполкома. Надо ли говорить, что чиновник удивился моему приходу не меньше секретаря окружной комиссии... Хорошо, что хоть в ЦИКе без проблем предоставили информацию о том, что в Барановичах досрочно проголосовало около 30% (как потом оказалось, почти половина!) избирателей.

Но и после неудачного обращения в окружные комиссии парламентская избирательная кампания успела удивить меня еще раз, причем в самый что ни на есть кульминационный момент. Поздним вечером 28 сентября я отправился в горисполком, где располагались две городские окружные комиссии и ожидалось

оглашение предварительных итогов голосования. В коридоре меня встретил без вести пропавший кандидат в депутаты Анатолий Ванькович. Генерал начал было рассказывать, как он пытался меня найти, а затем восторженно предложил:

— А давайте лучше напишем про Иран!

— В смысле? — ответил я, чтобы сказать хоть что-нибудь.

— Ну, я же военный, я знаю, что американцы хотят там сделать, — невозмутимо продолжал он.

Пришлось корректно отказать в подобной публикации этому уважаемому человеку, но взамен я предложил ему дать комментарий сразу же после объявления итогов голосования. Ванькович быстро согласился, и мы стали ждать информации от представителей окружных комиссий.

Когда на мониторе появились никого не удивившие данные участковых комиссий, где среди победителей не было ни одного из 28 представителей оппозиционных партий, а догадки о победе на выборах в Барановичах Светланы Пищ и Анатолия Ваньковича были подтверждены, обещавший комментарий генерал закивал головой: я помню, что мы должны поговорить. Затем избранный

на второй срок депутат двинулся со своей свитой в конец коридора. Пойти за ними я посчитал нетактичным и ждал около монитора минут двадцать.

Но оказалось, что зря. Черный ход в горисполкоме в этот вечер оказался не заперт.

на второй срок депутат двинулся

Фото Людмилы Прокоповой

28 сьнежня 2008 года

ВЫБОРЫ
 В ПАЛАТУ ПРАДСТАВІТЕЛЕЎ
 НАЦЫОНАЛЬНАГО СБРАННЯ
 РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ
 ЧЕТВЕРТОГО СОЗЫВА

Photo.bymedia.net

На волне перестройки, в 1995 году, без особых жертв и, как теперь мне кажется, усилий я была избрана депутатом Верховного Совета 13-го созыва. Несмотря на сумасшедшую конкуренцию (22 кандидата на округе), во втором туре обошла номенклатурного коммуниста и с незначительным перевесом в голосах получила мандат народного доверия. Не имея никаких «подвезок» в органах власти, прошла в парламент потому, что, во-первых, в моем округе выборы были честными, во-вторых, фамилия благодаря СМИ была уже раскрученной. Моя команда — и это тоже важный фактор — не боялась общаться с избирателями, шла с ними на прямой контакт.

В то время власть еще не определила магистральным курсом

Людмила ГРЯЗНОВА

Как я «не дошла» до парламента

Photo.bymedia.net

На моем веку уже три парламентские кампании и один бойкот. Три раза шла в депутаты и один раз участвовала в бойкоте выборов в высший законодательный орган. Каждая кампания — особый Рубикон. И не потому, что раз за разом кандидат набирается опыта, а потому что меняются настроения избирателей и возможности власти по проведению «элегантных» выборов. Сила оппозиции и потенциал ее кандидата в этом раскладе — производные факторы.

реставрацию советских порядков, во «врагах» числила только Белорусский народный фронт и вообще не была беспрекословна и сильна, поэтому немало оппозиционных депутатов прошло в Верховный Совет. Избиратели в столице, в значительной степени настроенной демократически, выбрали тех, кого хотели. А комиссии в большинстве округов еще не были мобилизованы в военном порядке выполнять любые указы сверху. Избирательные комиссии еще считали голоса и проводили выборы, а не цирковые представления. Только на отдельных участках — в 6-й больнице, в школе КГБ, где не было никакого общественного контроля и действовали «проверенные» кадры, — результаты голосования были predetermined.

В течение нескольких лет до выборов я активно публиковалась в государственных и независимых газетах, выступала по белорусскому радио и мелькала на телеэкране. Фамилия была на слуху. В то время не было никаких сложностей в доступе к средствам массовой информации. Журналисты с разных сторон просили об интервью. Читателей, слушателей и телезрителей волновали вопросы политики, экономики, социальной жизни. И не с марксистских позиций, а в связи с актуальностью возникших проблем.

Моя «листовочная продукция» в пору тех выборов не отличалась особой оригинальностью и привлекательностью. Но кроме нее в почтовые ящики избирателей попала газета «Грамадзянін» с огромным интервью со мной.

Небольшая команда из подруг, соседей и партийных активистов, кроме традиционного распространения листовок и газет, использовала по тем временам «ноу-хау»: пикеты в многолюдных местах. Чаще всего — у магазинов, на перекрестках, возле пивных и во дворах. Мы говорили, спорили, смеялись вместе с народом. Народ немного шалел от такого братания, но запомнил, интересовался и активно участвовал в избирательном процессе. И власть практически не препятствовала «разгулу» демократии.

Все так хорошо начиналось! Выборы были настоящими, кандидаты — активными, избиратели — живыми, комиссии — честными...

Через пять лет, когда власть еще не накачала мускулы, а народ сидел на скудном пайке, большая часть оппозиции увлеклась непродуманным маневром и пошла на бойкот выборов. В то

время еще можно было разворотить муравейник и прорваться в парламент, получив хоть какую-то публичную трибуну. Но оппозиционные кандидаты верили, что бойкот обусловит непризнание выборов европейскими структурами и подорвет устойчивость президентской власти. В 1999 году таким образом не была использована хорошая возможность общения с электоратом, еще жаждавшим перемен. Массовые митинги и демонстрации тому подтверждение.

Бойкот избавил власть от риска братания оппозиции с народом. Европейские оценки по сравнению с этим — куда меньший риск. Через некоторое время подоспела помощь из России, и бойкоты стали гласом вопиющего в пустыне. Народу дали более сытный паек. Бунтари уехали из страны. Наступило затишье, не предвещавшее в ближайшем будущем каких-то перемен.

Кампания 2004 года внешне представлялась серьезной борьбой между разными силами. Избиратели, уже четко разделенные на разные лагеря, открыто выражали симпатии или антипатии оппозиционному кандидату. Избирательные комиссии оставались еще не полностью «предсказуемыми» и управляемыми властью. Разные там попадались люди, даже честные и способные на поступок.

Команда, работавшая тогда на меня, использовала самые разные методы, чтобы дойти до электората, и доходила. Консультанты научили и заставили меня хорошо выглядеть и красиво выступать. Друзья-журналисты требовательно «тренировали» в жестах, интонациях, словах — готовили к пятиминутным выступлениям на радио и телевидении. Большую роль тогда еще играли независимые газеты, и я активно писала и соглашалась на интервью. Во время кампании были распространены несколько номеров «Народной Воли» с моими статьями. Воздействие газеты несравнимо с листовками, даже качественными.

Но результат тех выборов был обескураживающим — для меня, для моей команды, для избирателей округа. Люди пришли на выборы, по нашим подсчетам и признаниям избирателей большая часть проголосовала за оппозиционного кандидата. Власть же предъявила другой результат. Наша большая часть почувствовала себя глубоко обманутой. Люди разочаровались во власти.

Это разочарование стало особенно заметным на нынешних парламентских выборах. В людях, как говорится, огонь погас, исчезло политическое мышление, появилось не только безразличие, но и апатия. Значительно меньше на моем участке стало мужчин. Женщинам, занятым домашним хозяйством и всем остальным, стало не до политики. Житейские проблемы заслонили прочее, в том числе и парламентские выборы. Народ «пробросил» выборы, как это делалось еще в советские времена: демонстрируя и нелояльность, и безразличие.

Чтобы выборы – 2008 были похожи на выборы, сверху указали не чинить особых препятствий для оппозиционных кандидатов, более того, периодические «утечки информации» сулили некоторым из них попадание в Палату. Это должно было удвоить стимулы и, признаюсь, вселяло надежду. Для многих из нас это была не только возможность общения с народом, но и шанс, войдя в Парламент, изменить условия жизни наших избирателей.

При сегодняшних значительно суженных каналах агитации сам кандидат должен был работать на износ. Некоторые на это пошли.

В этот раз у нас почти не было прессы — независимых газет

Воздействие газеты несравнимо с листовками, даже качественными.

сегодня уже практически нет. Независимое радио, вещающее, как правило, на белорусском языке, не доходит до аполитичного электората. Телеканал «Белсат» смотрят те, у кого есть спутниковые тарелки. Интернет популярен у активной части населения... Большая часть моих избирателей слушает белорусское радио и смотрит предложенные властью телепрограммы.

Это телевидение и это радио были предложены кандидатам в депутаты. Но предложение было специфическим. Пять минут для выступления на белорусском телевидении (на его непопуляр-

вдумываясь в суть сказанного оратором, видели испуганное лицо, «нетелевизионные» жесты и делали самые нелюбимые выводы. За редким исключением телевизионные выступления кандидатов в депутаты имели отрицательный результат. Народ еще больше разочаровывался в кандидатах.

Не имея современных информационных каналов связи с избирателями, мы использовали только метод «от двери к двери». А это титаническая работа, если учесть незначительный ресурс и немногочисленность команды кандидата. Шестидесять четыре тысячи избирателей, двадцать ты-

сяч квартир...
Делать ставку только на этот метод несерьезно. Он работает лишь в со-

вокупности с другими способами информационного воздействия. Даже статья полезным собеседником у двери имеет шансы тот кандидат, который «раскручен» через средства массовой информации. Последняя парламентская кампания была самой жесткой по данному критерию.

Практически все информационные каналы для общения независимых кандидатов с избирателями перекрыты властью. Пять

Photo.bymedia.net

«телерадийных» минут — не в счет. Минута возле порога квартиры избирателя тоже многого не добавляет. Без изменения ситуации в СМИ выборы никогда не будут похожи на выборы. В подобных спектаклях устал участвовать не только народ, но и оппозиционный активист. Ожидать, что на следующих выборах найдутся достойные энтузиасты, непродуктивно.

Как же действовать? Именно об этом сейчас говорят и думают «не дошедшие до парламента».

Думать, впрочем, надлежит и власти — не только потому, что совершенствования избирательного законодательства требуют известные условия Евросоюза.

Если представление не смотрит зритель, если некому играть на сцене, то и режиссеру нет выгоды от такого политического спектакля. Его признание как режиссера улетучивается. Легитимность власти исчезает. Деграция политики в таком направлении не выгодна никому — ни народу, ни оппозиции, ни власти.

В этот раз у нас почти не было прессы — независимых газет сегодня уже практически нет. Независимое радио, вещающее, как правило, на белорусском языке, не доходит до аполитичного электората.

ных каналах) вместо дискуссии политических конкурентов предполагали формат монолога. Запись происходила в абсолютно темной «камере» — не видно ни одного лица. Говоришь в пустоту. Выкладываешься в течение пяти минут — и ни секунды больше, — а тебе говорят, что теперь все выступление надо повторить. Дубль два оказывался хуже, но его и показывали телезрителям. Те, не очень

Без изменения ситуации в СМИ выборы никогда не будут похожи на выборы. В подобных спектаклях устал участвовать не только народ, но и оппозиционный активист.

Photo.bymedia.net

Шведские картинки

Юрий МАКАРЧУК

Недавно в шведском институте повышения квалификации журналистов FOJO прошел тренинг по фотожурналистике.

Руководитель семинара Мия Грэндал поставила перед нами задачу: сделать фоторепортаж и рассказать о городе Кальмар, на окраине которого и находится прекрасно оснащенный студенческий центр. Здесь мы жили, слушали лекции, дискутировали и работали до позднего вечера.

С группой журналистов идем по городу Кальмар, всматриваемся в лица прохожих: у кого взять интервью? Увидел высокого симпатичного голубоглазого мужчину со шкиперской бородкой (в моем представлении — типичного шведа). Познакомились. Хокан Бергмунд любезно согласился ответить на наши вопросы. Оказалось, что он даже немного говорит по-русски.

— *Вы любите свой город?*

— Конечно. Здесь все самое лучшее. Я здесь родился, это мой родной город, и всю свою жизнь я прожил тут. (Улыбается.) Городок наш небольшой, тихий, в нем проживает 65 тысяч человек.

— *Извините, а сколько вам лет и чем вы занимаетесь?*

— А сколько дадите? (Смеется.) Вообще-то мне 62 года. Я всю жизнь проработал строителем, теперь на пенсии. (В Швеции мужчины и женщины уходят на пенсию по достижении 60 лет. — Авт.)

— *Что можете сказать о политике вашего государства по охране социальных гарантий?*

— Я получаю обыкновенную «народную» пенсию. Поэтому, в моем случае, после 65 лет ее размер будет каждый год понемногу

сокращаться, и жить станет сложнее. Почему-то у нас считается, что с возрастом потребности людей уменьшаются.

— *А какова сумма вашей пенсии?*

— Четырнадцать тысяч. Или 1400 евро в месяц.

— *На что тратите больше всего?*

— В основном на отопление и электричество, ведь цены постоянно растут. Зимой это почти третья часть расходов.

— *А какую пенсию вы бы хотели получать, чтобы чувствовать себя уверенно?*

— Размер моей пенсии меня устраивает, вот только ее уменьшение после 65 лет беспокоит. Вообще на земле нет справедливости, и это ни для кого не секрет.

— *Считаете ли вы себя счастливым человеком как житель Кальмара, как гражданин Швеции?*

— Конечно, всегда хочется чего-то большего, но я считаю себя счастливым человеком. У меня есть тепло, свет, еда и чистая вода.

(Действительно, воду в Кальмаре можно пить из крана, не опасаясь за свое здоровье. — Авт.)

— *А как вы отдыхаете? Белорусские пенсионеры в основном все лето работают на даче, стараются сделать заготовки на зиму.*

— Я тоже люблю возиться на земле, занимаюсь садоводством, выращиваю яблоки для себя и друзей. Но это для души, продукты на зиму мы не заготавливаем. Еще я могу, как и большинство наших пенсионеров, путешествовать, ездить на отдых за границу.

— *Устраивает ли вас работа городских властей по охране памятников истории и культуры?*

— Я доволен работой муниципалитета по реставрации и сохранению культурного наследия.

— *А какая у вас семья?*

— К сожалению, я холостяк, на всех хватило женщин, а мне почему-то — нет. Но я особо не скучаю.

Судя по всему, глубокая старость неженатого Хокана совсем не волнует, хоть он и сетовал на «урезание» его пенсии после 65 лет. Причина уверенности в завтрашнем дне — социальные гарантии государства.

Например, обращается шведский пенсионер к стоматологу. За услуги он должен выложить сумму, эквивалентную 200 долларам США. Но зато потом за работу, материалы, протезирование и лечение зубов у него не потребуют даже цента! За все заплатит государство.

За неполную неделю, проведенную в шведском городе Кальмар, сложно было много узнать о стране, которая построила свою уникальную модель социализма. Однако немало интересных для нас, белорусов, деталей, думаю, мне все же удалось подметить. В том числе и с помощью фотообъектива.

Если в других странах говорят о долге детей перед своими родителями и родителей перед детьми, то в Швеции гарантом пожизненной защиты и тех, и других выступает общество. Многие пожилые люди селятся в домах престарелых, чтобы не обременять родных и быть независимыми. За питание, уют, отдых и проживание они платят часть своей пенсии. И спокойно коротают старость. В таких домах места хватает всем желающим.

В Швеции мужчины наравне с женщинами занимаются воспитанием детей и домашним хозяйством. Нет ничего удивительного, если мужчины, гуляя с детьми, обсуждают рецепт блинчиков.

Водонапорную башню в Кальмаре построили в 1903 году и до 1974-го использовали по назначению. Когда необходимость в ней отпала, башню решили переоборудовать под элитное жилье. Таким образом удалось уберечь от разрушения памятник истории и архитектуры.

Стремлению не быть никому обязанным подчинены также традиции повседневного общения. Дамам не лишне помнить: приглашение в кино или ресторан вовсе не означает, что им не придется платить за ужин, такси или входной билет.

В небольшом Кальмаре самым удобным и любимым средством передвижения является велосипед. Везде оборудованы дорожки и стоянки для двухколесного транспорта. Это дешево, экологично и полезно для здоровья. Каждому белорусу, участнику семинара FOJO, также выделили по велосипеду. Чем мы с удовольствием и воспользовались.

Собаки и кошки — домашние любимцы шведов. Пенсионерка Бэрит Лиандер не пожалела отдать за породистого котенка норвежской лесной кошки 600 евро. Теперь она просто обожает кормить подросткового здоровяка из ложечки.

Шведские торговые центры радуют традиционным обилием и качеством товаров. Некоторые вещи стоят дешевле, чем в Беларуси, особенно во время сезонных скидок — на 30, 50 и даже 70%. Цены на продукты заметно выше белорусских, но кое-что можно купить и дешевле. Однако поллитровка водки вам обойдется минимум в 20 евро, слабоалкогольное пиво в супермаркете стоит примерно 3 евро.

Фото Юрия МАКАРЧУКА

О социальной несправедливости

Артем КРЕЧЕТНИКОВ,
www.bbcussian.com

Как известно, Бог изгнал Адама и Еву на грешную землю в качестве наказания. Так что мир полон несовершенства. Это особенно заметно, когда смотришь телевизор.

Я смотрел телевизор. Первый канал начал показ фильма «Галина» — о драматичной судьбе Галины Брежневой. Картина художественная, но основанная на реальных событиях.

Сначала — комментарий не по теме. В 1990-е годы «фирменным блюдом» российских телеканалов были новости и аналитика. Помянем «старое» НТВ и его знаменитый слоган: «Новости — наша профессия!»

После того как на появление «в ящике» инакомыслящих фигур было наложено негласное табу, а выпуски новостей превратились в «пятиминутки ненависти» к Западу и к размышлениям о независимости вассалам, телевизионщики на какое-то время растерялись. Похоже, просто не знали, чем заняться. Экран заполнили попса, кровавые боевики и разные нелепые игры.

Однако теперь творческие люди, похоже, нашли нишу, в которой можно работать. Таковой стали документальные и полудокументальные фильмы на разные темы, не имеющие прямого отношения к политической злобе дня, но оттого не менее интересные. Некоторые из них тенденциозны, как, например, наделавший шуму фильм о Византии, создатели которого прозрачно отождествляли сверхдержаву Средневековья с Россией, а главным виновником ее гибели объявили зловредное латинство (хотя взяли Константинополь, вообще-то, турки). Но большинство таких фильмов выражают вполне здравые и взвешенные взгляды. И я все чаще смотрю телевизор с удовольствием.

Может, оно и к лучшему, и нынешняя ситуация повысит профессиональный уровень российского телевидения. В конце концов, делать качественную документалистику намного труднее, чем посадить в студии несколько «говорящих голов».

Теперь вернемся к фильму «Галина», вернее, к его главной героине.

В свое время Галина Брежнева сделала в глазах миллионов символом социальной несправедливости и коррупции, хотя, по нынешним меркам, являлась образцом скромности. Ну подумаешь — носила платья от Кардена! Современные олигархи покупают стометровые яхты и футбольные клубы, за одну поездку в Куршевель оставляют в ресторанах и бутиках несколько сот тысяч евро — и ничего. Почему? Может, потому, что олигархи не строят из себя праведников, не учат жить других и ничего никому не запрещают?

Возмущение — и вполне справедливое! — вызывал не столько образ жизни Галины Брежневой, сколько лицемерие государства, которое возглавлял ее отец. Подданным оно принудительно прописывало уравниловку, куцые потребности и пуританское благонравие, а тем, кто «равнее других», значит, можно?

В середине 1980-х годов буквально взрыв негодования вызвали сообщения о том, что Раиса Максимовна Горбачева за границей пользовалась кредитной карточкой. А что, собственно, здесь плохого? Сегодня у каждого второго россиянина в бумажнике кредитка, да не одна. То-то и оно, что у каждого второго. А в обществе, где за хранение нескольких долларов давали пять лет тюрьмы и единственным доступным подавляющему большинству банком была сберкасса, в которой нищие старушки хранили копеечки, собранные на похороны, завести валютный счет действительно было вызывающим поступком.

Можно сказать, что советская номенклатура долгие годы обманывала сама себя. Ведь несусветная глупость — жить беднее и несвободнее, чем ты мог бы жить, только затем, чтобы всем вокруг было еще хуже!

Равенства никогда и нигде не было и не будет. Но демократическое общество дает каждому одинаковый шанс попробовать стать хоть президентом или миллиардером, хоть просто благополучным представителем среднего класса. Не добился в жизни того, о чем мечтал, — жаловаться можно только на себя или на Всевышнего, который не дал способностей. Тоталитарное или сословное государство само решает, кому кем быть и что кому положено. Поэтому все претензии по поводу жизненной несправедливости и неудавшихся судеб — только к нему.

Демократия — это придуманный неизвестным гением способ легитимизации неравенства.

И еще на одну мысль наводит судьба Галины Брежневой. Вот родился человек с серебряной ложкой во рту — а толку? Судьба всех троих детей Сталина тоже оказалась трагической — у каждого по-своему. При этом достоверно известны, по крайней мере, двое внебрачных сыновей «отца народов», которые росли вдалеке от него и от Кремля. Оба стали достойными людьми и прожили долгую счастливую жизнь. Один был капитаном теплохода на Енисее, другой дорос до заместителя председателя Гостелерадио и пользовался всеобщим уважением как доброжелательный, высокообразованный и для своего времени либеральный человек.

Первая и очевидная мысль, которая приходит в голову, — незаработанные привилегии портят людей, детей — тем более. Но почему же тогда потомки коронованных особ в большинстве случаев не чувствовали себя несчастными и одинокими, не становились бездельниками и пьяницами? Может, оттого, что монархия, как бы к ней ни относиться, освящена законом и традицией? Кронпринц знает, что он легитимный наследник престола, и с детства готовит себя к будущей ответственной роли. А дети тирана знают, что со смертью или поражением отца все кончится, и это не может не вызвать в их душах надлом.

Ох и не хотелось бы мне быть диктатором!

«Русские и белорусы никакие не братья. Даже не двоюродные»

Анастасия ЗЕЛЕНКОВА,
www.gazetaby.com

Книга «История имперских отношений: белорусы и русские» только недавно вышла в свет маленьким тиражом (150 экземпляров), но успела наделать много шума. В ней раскрывается сущность российского шовинизма, рассказывается о том, кто такие белорусы и как сильно они отличаются от своих восточных соседей — исторически, культурно, даже генетически.

Почему белорусским властям следовало бы поздравить руки авторам этой книги и какое отношение к финнам имеет российский президент, поведал составитель, переводчик и редактор издания Анатолий Тарас.

— Стержневая идея, которая пока еще может показаться в диковинку широкой публике, хотя для ученых это уже доказанный факт, — то, что нет никаких братьев-народов. Русские, белорусы и украинцы — три абсолютно разных этноса. Разные генетически, психологически, исторически.

Русские — это народ, который сформировался на основе угро-финских и тюркских народов. А русский язык, на котором мы сейчас с вами говорим, — это, по сути, искусственный язык, созданный стараниями Прокоповича, Сумарокова и Ломоносова, блеск же ему придали Пушкин и его предшественник Барков.

Этот язык возник на основе, прежде всего, финской лексики (яркий пример: слово «Москва» с финского переводится как «черная вода») и тюркской (например, Карамзин, Сумароков, Кутузов — это татарские фамилии). Посмотрите на того же Путина — внешне (антропологически) он стопроцентный финн!

А белорусы — это балты, которые смешались со славянами, мигрировавшими сюда под ударами германских племен с берегов Лабы (Эльбы), — так называемые балтские славяне. Украинцы — потомки ираноязычных сарматских племен, подвергшихся влиянию южных славян.

Мы никакие не братья. Даже не двоюродные. А вот кто прямая родня русским, так это марийцы и эстонцы, над которыми россияне любят потешаться (нехорошо смеяться над родными братьями!). Современные финны — им братья двоюродные. А белорусы и рядом не лежали.

Другая сквозная идея заключается в том, что вся история Московского государства — это история непрерывной экспансии, 800 лет постоянной агрессии. Менялись династии: Рюриковичи, Романовы, — менялись политические режимы: сначала великое княжество,

PhotoMedia.net

потом царство, потом империя, потом якобы республика рабочих и крестьян, — но суть политики — нет!

Московия (позже назвавшая себя Россией) все время развивалась за счет захвата и ограбления новых территорий и народов. Не путем внутренней интенсификации — нормальной экономики, нормального гражданского общества, — а за счет безудержной экспансии. Все это мы показали на примере нас — белорусов.

— И все же книга издана в России...

— Да, книга отпечатана в Смоленске, ее помог издать книжный клуб «Посох». В России хватает коммерсантов, да и чудаков там больше — все же страна огромная. В Минске мы не смогли заинтересовать этой темой ни одно коммерческое издательство.

В итоге появился на свет малюсенький тираж — 150 экземпляров. Но надеемся, что теперь, когда книга вышла, некоторые наши издательства ее внимательно изучат, проконсультируются наверху, не дадут ли им по шее за такую книгу (думаю, не дадут, так как она очень кстати приходится по времени, а периода после 1991 года мы совершенно не касаемся) и напечатают нормальным тиражом.

— Не думаете, что своей книгой вы внесете раздор в и без того сложные отношения России и Беларуси?

— Сейчас, благодаря ситуации с Южной Осетией и Абхазией, в России поднялся мощный вал национал-патриотизма, а правильнее сказать — шовинизма. Недавно мне довелось разговаривать с человеком, который только несколько дней

назад вернулся из Москвы. Он был так потрясен. К нему в районе Белорусского вокзала прицепился милиционер. Слово за слово: а ты кто такой, откуда? «А-а! Белорус! И ты еще смеешь открывать рот? Вы всегда были нашими рабами, ими и останетесь!» И это говорит обыкновенный полевой мент.

Другой пример: недавно мой знакомый издатель вернулся с московской книжной ярмарки. И он рассказал, как какой-то представитель московского издательства у одного из стендов громогласно вещал всем окружающим: «Вот эти эстонцы, латыши и прочие лабусы рты свои пораскрывали, еще и белорусы им стали подпевать. А хохлы вообще оборзели. Да это же все

наши колонии! Они должны нам руки целовать за все, что мы им сделали. Мы их еще поставим на место! И с ними будет так же, как с Грузией».

В России такое давно уже говорят вслух. Так что эта книга появилась исключительно вовремя.

Суть московской политики — империализм. Так всегда было в прошлом, так есть сейчас, и, думаю, так останется вплоть до того момента, когда Россия развалится на свои составные части. Ученые давно уже предсказали ей жуткие социальные катаклизмы, с распадом на энное число удельных княжеств где-то в районе 2018–2020 годов.

В этом плане, да и во многих других, Беларусь в гораздо

лучшем положении. Об этом я и пишу. Я думаю, что власти нам за эту книжку должны были бы руку пожать.

— *Забываете еще один гвоздь в гроб дружбы с Россией?*

— Нет у нас никакой дружбы с Россией. Все это выдумки. Просто объективно так сложилось, что мы полностью зависели от этой страны — от рынка поставки энергоносителей, от рынка сбыта нашей продукции. Поэтому и были обречены дружить с Россией, выстраивать какие-то особые отношения.

Но ни для кого не секрет, что период особых отношений практически кончился. Россияне сами громогласно заявили: дружба дружбой, а табачок врозь. И правильно некоторые наши товарищи возмущаются: почему, если у нас одно государство, газ нам продают не по цене Смоленской области? Хотите, чтобы мы с вами крепко дружили, — давайте льготу на все.

И вообще, у нас официально провозглашена многовекторная политика. Другое дело, что провозгласить легче, чем сделать: ведь столько лет молились на одну страну.

Но процесс пошел. И он в Европе встречает определенное понимание. В этом смысле я смотрю в наше будущее со сдержанным оптимизмом. А вот в будущее России — с крайним пессимизмом.

— *Каких тем вы касаетесь в своей книге?*

— Мы рассматриваем период с конца XVII века и до распада СССР. В первой части «Белорусы в тени двуглавого орла» рассказывается о разделе Речи Посполитой, вторая называется «Белорусы в эпоху революционного большевизма», концом которой я считаю смерть главного большевика тов. Сталина. Третья часть — «Белорусы в эпоху либерального социализма», тут «либеральный социализм» надо брать в кавычки, поскольку не было никакого либерализма. Но по сравнению со страшной эпохой сталинщины было какое-то

Photoimedia.net

Photo by media.net

облегчение, во всяком случае, казни, массовая «сажаловка» и всеобщая жизнь в бараках кончились. Хотя, на мой взгляд, настоящее лицо социализма — скотская харя.

Заключение я назвал «Гомо советикус: белорусский вариант». В нем рассказывается, что такое «гомо советикус» вообще и «белорусский гомо советикус» в частности. Это человек, который, несмотря на место рождения, этническую принадлежность и гражданство, отождествляет себя не с белорусским народом, его культурой и традициями, а живет русско-советскими ценностями. То есть такой вот Иван, не ведающий родства.

Большая глава посвящена уничтожению белорусской национальной интеллигенции в 30-е годы. Впервые автор разложил по полочкам, почему это делалось и какой в том был смысл. Раньше никто не удосужился разделить репрессии по волнам, вычленив внутри каждой свои дела: например, «дело БСДГ», «дело белорусской автокефальной православной церкви», «дело троцкистов-вредителей в тракторном центре».

Почему это делалось? Сталин очень хорошо понимал, что если не подавлять национальное движение во всех республиках, то Советский Союз развалится как

карточный домик. Он тогда рухнул бы еще летом 1941 года.

Однако ни в одной национальной республике процесс уничтожения интеллигенции не был столь масштабным, как в Беларуси. И ни в одной республике процесс русификации, к сожалению, не зашел так далеко, как у нас...

— Как вообще появилась идея такой книги?

— Раньше, в 2006 году, мы с вами уже встречались по поводу выхода моей книги «Войны Московской Руси с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой». Тогда я пообещал читателям, что вскоре последует продолжение. И я добросовестно занялся этим. Однако, когда познакомился с литературой по этой теме, понял, что для написания такой книги мне не хватит оставшейся жизни.

Тогда, как нас учила партия, я пошел другим путем. Я подобрал авторов (в основном докторов наук), компетентных в тех вопросах, которые могли бы составить содержание книги. У этих ученых уже были готовые материалы. Такой план оказался достаточно продуктивным. Получился коллективный труд объемом 608 страниц, включая весьма обширную библиографию.

Кстати, библиография в этой книге играет очень важную роль. Это не только те материалы,

которые мы использовали, — мне хотелось показать читателям, что все затронутые нами вопросы на самом деле уже достаточно хорошо изучены.

— А для чего нужно было переводить авторские тексты на русский язык? Не логичнее ли было издать книгу о белорусах на белорусском?

— Я считаю, что те граждане Беларуси, которых можно отнести к числу национально сознательных, в принципе, не нуждаются в этой книге. Они в большей или меньшей степени и так все это знают. Эта книга как раз для других.

Также мы надеемся, что ее прочитают в бывших союзных республиках, потому как проблема имперских отношений актуальна для всех 14 стран бывшего Союза. Хотелось бы, чтобы с этой книгой ознакомились и в России.

— Хотите утереть нос российским идеологам?

— Мы меньше всего думали спорить с россиянами, потому что это дело абсолютно безнадежное — они просто ослеплены сознанием своего величия, пусть иллюзорного. Поэтому мы лишь позитивно и логично излагали свое мнение на огромном фактическом материале. В конце концов, почему нас должны волновать обвинения российских идеологов?

У свой час рускія ўшанавалі сваіх герояў, французы — сваіх, ну а я сёння хачу ўганараваць тых нашых змагароў, якія не гнуліся пад кулямі, не баяліся штыка, смела хадзілі ў конныя атакі.

Вярніце помнік!

Віктар ХУРСІК

Зайшоў у кнігарню, узяў кніжку «Для школьнікаў», — значылася на тытульнай балоне. Кніжка была свежая, адзін з яе рэцэнзентаў — вядомы вучоны, доктар навук, прафесар. Хацеў набыць, пачытаць, чаму дзяцей вучаць.

Зрэшты, у «Истории Беларуси» мяне цікавіла толькі тое, як беларускім дзецям распавядаюць пра вайну 1812 года. Апошнім часам я быў, як кажуць, у тэме — рыхтаваў да выдання «Часовую мінскую газету», бываў у архівах, вывучаў расійскія крыніцы — да трагедыі эпохі дакрануўся.

І якім жа было маё здзіўленне, калі я пераканаўся, што ўжо сёмае (!) выданне «Истории Беларуси» і сёння ўтрымавае лухту. Пад адметнымі азначэннямі: «сполонізаванная

шляхта», «антирусские настроения», «оккупанты» (маюцца на ўвазе французы, канешне).

Я не прафесар, і мне цяжка таумачыць доктару навук, што не Беларусь тады акупавалі французы, а Расійскую імперыю, і што старажытная дзяржава беларусаў — Вялікае Княства Літоўскае — да таго часу ўжо была неаднойчы разарвана на часткі і сілком уключана ў Расійскую імперыю як тэрыторыя без усялякай нацыянальнай адметнасці.

Кніжку паклаў на паліцу — брыдота. Прышоў дадому, уключыў камп'ютэр, зайшоў у інтэрнет. Пішуць: «Хурсік — фашыст, выдаў «Часовую мінскую газету» і пад якім соусам падаў!» Інтэрнетчыка ўразіла тое, што на вокладцы напісана: «Гэта кніга — даніна павагі продкам, якія змагаліся на баку Напалеона і загінулі ў баях. Многія з іх за гераізм і мужнасць былі ўзнагароджаны ордэнам Ганаровага легіёна. Іх імёны назаўсёды застануцца на скрыжальных гісторыі». У чым тут фашызм? У свой час рускія ўшанавалі сваіх герояў, французы — сваіх, ну а я сёння хачу ўганараваць тых нашых змагароў, якія не гнуліся пад кулямі, не баяліся штыка, смела хадзілі ў конныя атакі.

Мужнасці пакланяліся заўсёды. І не толькі сябры, а і ворагі. Згадаем хаця б героя з шолахаўскай «Судьбы человека». Ці менш вядомы выпадак на нашай зямлі. Падчас Першай сусветнай вайны 1914 года пад вёскай Баруны на Смаргоншчыне расійскі баявы самалёт «Ілля Мурамец» па-майстэрску змагаўся

з нямецкімі асамі. Гэта ўразіла тых, хто назіраў за двубоем, у тым ліку і ворагаў. «Мурамец» быў збіты над варожай тэрыторыяй. Экіпаж загінуў. Хавалі рускіх герояў з належнымі воінскімі ўшанаваннямі немцы. Яны ж зрабілі адпаведны надпіс на помніку ў гонар невядомых «храбрых воінаў». Так што даруйце, шаноўны інтэрнетчык, сваіх храбрых воінаў я шанаваць буду.

Тая «спаланізаваная» шляхта, пра якую з нянавісцю даводзяць дзецям, магчыма, і не пайшла б за Напалеонам, калі б бачыла, што наш край для рускіх родны і што рускія будуць біцца за яго да канца. Рускія ж тады нас кінулі і пачалі супраціўляцца толькі тады, калі Напалеон ступіў на іх спрадвечную тэрыторыю. Адступаючы, Баграціён меў магчымасць заняць Мінск і даць бой французам. Але пераначаваў у Нясвіжы ды рушыў узбоч на Магілёў, далей ад бяды, а руская адміністрацыя Мінска гэтак раптоўна збегла з горада на Барысаў, што нават грошы з казны не паспела вывесці.

Для рускіх было важна не абараніць беларускі народ ад французскай навалы, а захаваць сваю армію ад знішчэння. Рускія думалі тады толькі пра сябе, пра сваю радзіму і — аддамо ім належнае — здолелі яе адстаяць. Пра нейкае ж змаганне за беларусаў-літвінаў (ці, як іх тады ўсе называлі, «палякаў») і гаворкі не было. Вось чаму грамадскасць Мінска гэтак радавалася з'яўленню французаў.

З «Часовай мінскай газеты».

«3 Мінска, 8 ліпеня

У гэты дзень у наш горад увайшло непераможнае войска

міласцівага Напалеона, імператара французай, венгерскага караля, збавіцеля Польшчы. Гэты памятны ў гісторыі дзень вырваў нашу правінцыю з ярма няволі і вярнуў нам Айчыну. У горадзе, які пакінуў расійскі ўрад, засталіся абраныя абывацелямі польскія ўраднікі, прынамсі: прэзідэнт першага дэпартаментна Галоўнага суда Ягамосць Камінскі, другога дэпартаментна — Ягамосць Ходзька, мінскі павятовы маршалак, які заступае месца губернскага, Ягамосць Ігнат Манюшка.

Старшыня беларускага Урада (Часовай урадавай камісіі Літвы) у ліпені-снежні 1812 года дворны маршалак ВКЛ Станіслаў Солтан

Для нагляду за цэласцю магазінаў у горадзе і яго бяспекай 6 ліпеня яны разам з магістратам горада ўтварылі Часовую раду Мінска пад кіраўніцтвам Ягамосці Камінскага.

Сёння атрымана вестка пра тое, што на чале неперажаных французскіх войскаў да нашага горада падыходзіць маршал французскай імперыі Ягамосць князь д'Аверштацкі і Экумульскі. Неадкладна былі распачаты

належаць прыгатаванні для прыёму такога вялікага мужа. Ягамосць прэзідэнт Камінскі разам з Ягамосцю маршалкам Манюшкам выехалі на 2 мілі за горад для яго сустрэчы, а Ягамосць прэзідэнт Ходзька з мінскім падкаморым Ягамосцю князем Міхалам Пузынам і Ягамосцю Серакоўскім спаткалі яго за Ракаўскай рагаткай. Цераз рукі Ягамосця князя д'Экумуля яны паднеслі хлеб і соль найяснейшаму і

наймацнейшаму свайму збавіцелю вялікаму Напалеону. Князь ласкава прыняў дэлегатаў і засведчыў ад імя найяснейшага імператара, што яго неперажане войска прыбыло для вяртання палякам Айчыны і што большасць гэтага войска, калі спатрэбіцца, пакрые сваімі трупамі зямлю, але верне цэласнасць нашай Айчыне і такім шляхам скароціць расійскі ўплыў на Еўропу. Пры ўездзе ў горад Ягамосця князя сустракаў людскі тлум, а магістрат з цэхамі вітаў яго прамовамі і сцяліў пад ногі перажанцаў харугвы. Калі Ягамосць князь са сваім штабам прыбыў на пляц Высокага рынку, дарогу яму, высцілаючы кветкамі, заступілі абывацелькі. Грымнулі воклічы радаснага людю: «Няхай жыве Напалеон, збавіцель Польшчы!» У гонар такой вялікай урачыстасці на ганку ратушы гралі гарадскія музыкі».

Тут няма чаго дадаць. Так было.

У кінутым Мінску пачаліся рабункі і іншыя крымінальныя злачынствы, але мінчане здолелі арганізавацца і даволі хутка ўтварылі органы самакіравання.

Photo.bymedia.net

На могілках ля вёскі Студзенка перазахавалі парэшткі 223 французскіх салдат. Барысаўскі раён, лістапад 2007 г.

З пачаткам вайны і прыходам французай пачалося цяжкае «прыфрантавое» жыццё. Матэрыяльны дабрабыт насельніцтва пагоршыўся, належала выканаць адпаведныя пастаўкі, з'явіўся шэраг іншых турбот, але беларусы ішлі на ахвяры са спадзевам на перамогу Напалеона.

«У аддзеле скарбу Часовага ўрада Мінскай правінцыі распачата кніга запісаў унёскаў старанымі палякамі добраахвотных ахвяраванняў на патрэбы ўзаскрэшанай Айчыны. У той кнізе вядомая сваёй цнотай і патрыятызмам ротмістрава народнай кавалерыі ВКЛ яснавельможная пані княжна Караліна Радзівіл першай адпісала 30 бочак жытняй мукі з вазамі, 2 бочкі круп, 10 валоў, 20 бараноў і 16 ліпеня перадала гэту ахвяру ў скарбовы аддзел. Гэты выбітны ўчынак шаноўнай абывацелькі, відаць, здолее абудзіць у сэрцах палякаў шляхетнае перайманне і разуменне таго, што адраджэнне Айчыны патрабуе пасільнай падтрымкі і дапамогі справай. Яе верныя сыны змогуць гэтаму паспрыяць, калі будуць пераўзыходзіць адзін аднаго ў тым шляхетным спаборніцтве. Хто паляк, той нічога не будзе шкадаваць для сваёй маці-Айчыны і рэштку свайго ахвотна аддасць Ёй. Яго светласць губернатар зрабіў дзейсныя крокі для вяртання спакою ў правінцыю. Штодня з горада для затрымання рабаўнікоў і дастаўкі іх у вайсковы суд па розных дарогах высылаюцца лятучыя атрады ў складзе [французскай] вайскавай каманды з прыдадзенымі жандармі-палякамі. Па выroku суда 10, 13 і 16 ліпеня на марадзёрах быў прадэманстраваны прыклад смяротнага пакарання. Тая ж кара распаўсюджваецца і на тых, хто купляе крадзеныя рэчы, бо гэта таксама з'яўляецца сапраўднай перашкодай для падтрымання спакою».

Можа, хто і скрывіцца ад такой інфармацыі. Але я — за праўду. Бо калі сёння Мядзведзеў кажа Сарказі: «Бонжур, камарад», — то і я не супраць скажаць расяніну: «Здароў будзь». Пры гэтым хачу ў адказе адчуць

павагу, а не здзекліваю знявагу да нацыі, якая «ніколі не існавала» і не змагалася за сваю дзяржаўнасць.

У 22-м нумары «Часовай мінскай газеты» прыводзіцца спіс нашых землякоў — генералаў, афіцэраў і ніжэйшых чыноў (каля шасці дзесяткаў імёнаў), якія 26 верасня 1812 года былі ўзнагароджаны Напалеонам за мужнасць ордэнам Ганаровага легіёна. Спіс зачытваўся перад строем пасля ўзяцця Смаленска.

Я не магу кінучь камень у бок гэтых салдат. Я ўпэўнены, што перад апошняй атакай адным з іх жаданняў было, каб пасля смерці нехта добрым словам памянуў іх на радзіме. Яны марылі ўбачыць яе свабоднай...

І маладыя бязвусыя беларусы — неабстраляная, толькі сфарміраваная напалеонаўская гвардыя генерала Канопкі, якую рускі адмірал Чычагаў пасек пад Слонімам, — выклікаюць у мяне павагу. За парыў, за жаданне сваёй ахвярай вярнуць дзяржаўнасць і свабоду маёй сённяшняй радзіме. Дзякуй вам, хлопцы. Была б мая воля — паставіў бы вам крыж... там, на пляцы Напалеона.

«А 4 гадзіне пасля паўдня мэр месца яго [ялікасць] граф Ліпскі з усім муніцыпалітэтам падаўся на пляц Высокага рынку і гэты пляц...

над воклічы тысяч гараджан назвай імем нашага ўзаскрэсіцеля — пляцам Напалеона. Пры адкрыцці мемарыяльнага камяня з надпісам аб гэтым ён трымаў наступную прамову: «Абывацелі і жыхары горада Мінска! Калі б тут быў вялікі Напалеон альбо калі б ён мог пачуць нашы сэрцы, то, пэўна, пераканаўся б, што аказаўся сярод тых, хто варты быць яго людям. Гэта агульная радасць, гэта чулае вітанне, гэта шчырае зычанне, якое зараз бесперапынна і неперытворна праяўляем, далучаюцца новымі векавечнымі помнікамі. Я абвясчаю, што з гэтага часу гэты рынак будзе называцца пляцам Напалеона. Памяць аб гэтай удзячнасці захаваем і ў наступныя часы. Помнік падзякі мае надпіс: «Чуйнасці». Так што, калі некалі дзеці будуць пытацца ў тутэйшага жыхара: «Хто ёсць такі Напалеон?» — то з накалення ў накаленне, з вуснаў у вусны будуць перадаваць (дай Бог, каб нашы праўнукі так гаварылі): «Быў вялікі цэсар Францыі і наш, які нас, беларусаў, вызваляў з няволі і ў сэрцах нашых на веки жыве».

Гэта — з «Мінскай часовай газеты».

Я паважаю за павет продкаў.

А Мінгарвыканкам прашу вярнуць на месца помнік Напалеону! Рашэнне мінскага муніцыпалітэта 1812 года ніхто не адмяняў.

Этой осенью прошло два юбилея, никак не отмеченных на государственном уровне: 70 лет исполнилось выходцу из Беларуси, рижскому художнику Вячке Телешу и 75 — народному артисту Беларуси, кинорежиссеру Игорю Добролюбову. Нынешняя власть, взрастившая самое себя «на стихах Василя Быкова», предпочитает звонить уволенным из Большого театра российским балеринам, дарить земельные участки в Дроздах живущим в Москве певицам и поздравлять с юбилеями российских деятелей культуры, но напрочь игнорирует тех, кто давно и по праву стал гордостью и славой белорусской культуры.

Сергей ШАПРАН

Неюбилейные интервью по случаю двух юбилеев

Вячка Телеш: «Лучше быть чужим в чужой стране, чем чужим на своей земле»

Вячка Телеш — пожалуй, один из самых известных представителей белорусской диаспоры в странах Балтии. Член союзов художников Латвии и Беларуси, председатель Общества художников белорусов Балтии «Маю гонар»,

основатель и заместитель председателя Латвийского общества белорусской культуры «Світанак», основатель и первый директор белорусской школы в Риге. Работы художника хранятся в музеях и частных коллекциях в Беларуси,

Латвии, Венгрии, США, Канаде, Китае, России, Эстонии. Его имя внесено в каталог «Всемирный экслибрис (1944–1998)» и во «Всемирную энциклопедию художников всех времен и народов». Кроме того, Телеш известен еще и как филокартист. Это сегодня никого не удивит альбомами старых открыток, однако на самых первых изданиях подобного рода — «Минск на старых паштоўках» и «Гарады Беларусі на старых паштоўках» — значится имя как раз Вячки Телеша. В 1997 году за особые заслуги он был удостоен гражданства Латвийской Республики. В 2006-м получил высшую награду Латвии — Орден Трех Звезд. Кажется, для одного человека и для одной жизни даже чересчур...

— Вячеслав Михайлович, как Вы вообще оказались в Риге? Вы же родились в Беларуси.

— Да, родился я в Гродненской области, в Волковыском районе, в поселке Красносельский. По окончании средней

школы попробовал поступить в Минское художественное училище, однако меня не приняли, поскольку никакой специальной подготовки у меня не было — я ведь родился в сельской местности. Устроился рабочим на меловых карьерах, и хотя позже работал уже как слесарь, но платили как ученику слесаря. В то время свободных должностей не было, поскольку существовала такая практика: людей на заводы собирали со всего Советского Союза, а должности в первую очередь раздавали приезжим, белорусов же, напротив, вербовали в Карелию и другие отдаленные места.

Тогда же один мой друг, устроившийся в Рижцементремонт, посоветовал последовать его примеру. Я приехал в Ригу, и мне не только дали общежитие, но и прописали, правда, в поселке Броцена — это в 119 км от Риги. Однако вскоре моя девушка написала: нечего ездить, возвращайся в Беларусь. Я вернулся, но поехал поступать в Ярославское художественное училище. Не поступив, опять уехал в Ригу, где пошел учиться в вечернюю школу и одновременно — в художественную студию. Уже во время службы в армии занимался в художественной студии в Вильнюсе.

Попробовал поступить в Вильнюсский художественный институт — неудачно.

Помню, у меня спросили:

«Зачем ты к нам приехал? Езжай в Латвию!» Вот я и подумал: «Вернусь-ка в Минск —

все-таки там моя родина», —

и попробовал поступить уже в Художественный институт в Минске. Но туда в первую очередь брали художников из России. Я так разозлился, что, вернувшись в Латвию, пошел на подготовительные курсы в Академию искусств и, работая

слесарем, несколько лет подряд пытался поступить в Академию. Удача улыбнулась лишь на четвертый раз. К слову сказать, в то время это был единственный вуз в Риге, где обучение велось только на латышском языке. И я должен был выучить его, раз уж хотел учиться.

Уже по окончании Академии устроился работать художником-оформителем в строительную организацию — рисовал плакаты, лозунги, объявления, одним словом, курировал наглядную агитацию. И одновременно занимался живописью.

— **Многие знают Ваши книги «Мінск на старых паштоўках», «Рига на старинных открытках» и «Гарады Беларусі на старых паштоўках». Но как Вы стали филокартистом?**

— Поздравительные открытки с репродукциями картин я собирал еще в школе. Уже во время учебы в Академии увлекался коллекционированием открыток царских времен с изображением Риги — покупал, выменивал, публиковал статьи о Риге и Юрмале начала XX века в различных журналах. Тогда меня уже интересовало, кем была издана открытка, каким тиражом и когда. Я занимался такими исследованиями в библиотеках Москвы и Ленинграда и был знаком со всеми филокартистами Советского Союза. Каждый день я получал бандероли с открытками со всей страны, из Польши и Германии... Это было не просто хобби, а исследовательская работа, ведь открытки — это не только коллекционный материал, но и документ эпохи, они же делались на основе документальных снимков, а время-то шло, проходили войны, и история уничтожалась — города, разрушаясь, менялись...

И вот однажды мой друг — белорусский коллекционер Михась Вератила — спросил: «Почему ты не собираешь открытки о Беларуси?» К тому времени открыток с изображениями Риги у меня было уже около двух

тысяч, правда, некоторые из них я потом поменял на открытки с белорусскими городами. Замечу, что, собирая открытки, я иногда в буквальном смысле голодал, поскольку все деньги, которые жена давала мне на обед, — тридцать рублей в месяц — я мог отдать какой-нибудь старушке, вдруг принесшей пачку открыток.

Однажды мою коллекцию увидел Владимир Короткевич, он-то и рассказал о своем друге Адаме Мальдисе — тоже филокартисте. Мальдис, собственно говоря, и «сосватал» меня в издательство. Правда, книгу «Мінск на старых паштоўках» было очень сложно «пробить» — меня десять раз вызывали в ЦК партии! Причем из книжки выбросили изображения всех культовых зданий: церквей, костелов, синагог, татарской мечети, лютеранской кирхи. Но все-таки издали, о чем потом написали даже «Известия» — мол, белорусы, выпустив такую книгу, всех опередили. Вскоре аналогичные альбомы стали выходить повсюду — в Москве, Ленинграде, Киеве... Однако я еще хотел издать книгу с открытками других белорусских городов — в моей коллекции четыре тысячи открыток о Беларуси. И если поначалу в издательстве думали выпустить книгу о каждом городе, то позже решили ограничиться лишь одним изданием. Правда, альбом этот «выходил» ровно десять лет. Дело в том, что в издательстве часто менялись директор и редакторы, которые каждый год ставили мою книгу в план, однако не печатали. Пока, наконец, я не написал ультимативное письмо: если не выпустите, негативы забираю!.. Книга вышла как раз к моему 60-летию, хотя я уже не верил, что увижу ее при своей жизни.

— **Но Вы не только художник и филокартист — именно Вам принадлежит заслуга появления в Риге белорусской школы...**

— Еще во второй половине 1980-х, во времена Возрождения Латвии, когда начали появляться национальные объединения, я

сразу включился в организацию белорусского культурного общества «Світанак», а затем и белорусской художественной студии: у меня были две группы — старшая и младшая, около сорока человек, в основном белорусы. Шел 1989 год. Тогда же в Латвии появились первые национальные школы, вот я и решил: надо учить детей белорусскому языку. Нашел учительницу, и, когда младшая группа рисовала, старшая учила белорусский. Именно так появилась белорусская воскресная школа. Но через три года, когда началась приватизация, с нас потребовали деньги за аренду помещения. Однако я договорился с директором русской средней школы, и нам дали помещение для студии и воскресной школы — аренду оплачивало Латвийское государство. Наши дети — около пятнадцати человек — изучали не только белорусский, но и литературу, я же преподавал основы истории и культуры Беларуси.

Когда в Латвии стали организовываться уже дневные национальные школы (в частности, начальные польская, еврейская, литовская и украинская школы), я также решил взяться за это дело. Конечно, мне больше хотелось заниматься живописью, но никто из живущих в Риге учителей-белорусов не хотел идти к нам, все они продолжали работать в русских школах... Я ходил по русским детским садам, развешивал объявления, давал информацию в прессе, на телевидении и в итоге собрал десять детей. Это было очень сложно, многие видели в нашей школе угрозу — будто дети из русских школ могут перейти к нам.

Так мы проучились год, но нужно было большее помещение: первый класс становится вторым, мы набираем новый первый класс — так и должна расти школа... Белорусская начальная школа была открыта в 1994 году постановлением Рижской Думы. Лишь после этого Управа школ отвела нам первый этаж в детском саду. Но через пять лет, когда у нас было

уже шесть классов, места снова стало не достаточно, тогда нам дали этаж уже в другом детском саду, однако там требовалась реконструкция. Управа школ и Министерство образования в помощи отказали, пояснив: «Польское государство помогает полякам. Украинский президент дал украинской школе миллион. Вот и обращайтесь в свое посольство». И наше посольство действительно помогло нам — тогдашний белорусский посол Валентин Величко выбил для нас 10 тысяч долларов...

Директором я был до 2001 года. За это время в нашей школе произошли изменения. Когда она только создавалась, детей к нам приводили родители, которые не только родились в Беларуси, но и сами говорили по-белорусски и благожелательно относились к нашей национальной идее. Сегодня у нас учатся в основном дети тех белорусов, которые родились в Латвии, поэтому по-белорусски не говорят ни они, ни их дети, и с каждым годом все труднее набирать первый класс. Хотя белорусов в Латвии много — это вторая по численности (после латышей и русских) нация. Каждый четвертый на улице — белорус, но все они заглядывают в другую сторону, у них нет национального самосознания. В таких условиях очень сложно работать. Поэтому, выйдя на пенсию, я решил заниматься творчеством, ведь директор — это прежде всего администратор, а стучаться в двери, которые закрыты, очень тяжело. Чиновники из Управы школ обычно говорили: «Пусть белорусы дают вам деньги, у нас их нет даже для латышских школ». Однако материальной поддержки со стороны белорусского государства больше не было — за это время нам только привезли парты да витебский диван. А, допустим, те же поляки выкупили для своей школы целый детский садик... Я бился-бился, чтобы изменить это положение, и отказался от борьбы. Лучше буду вести художественную студию, я человек

творческий... Конечно, сами белорусы виноваты, что школа оказалась в сложном положении. Но белорусы были безразличны к своему родному языку и в советское время. Вот если бы власть поддержала белорусскую диаспору и белорусский язык, сегодня в Риге была бы уже не одна белорусская школа. Все зависит от власти на родине. Ведь первые белорусские школы появились в Латвии еще в 1921 году, в одной только Латгалии их было более пятидесяти! Белорусские государственные гимназии были в Даугавпилсе и Лудзе, в Риге работала вечерняя белорусская гимназия и основная школа. Было и свое издательство, которое печатало белорусские учебники. Так продолжалось до прихода советской власти... Тем не менее я уверен, что белорусская школа в Риге будет существовать. И вечно будет жить белорусский язык. Все-таки нас — в отличие от латышей, которых лишь миллион, — десять миллионов. Мы должны знать наш родной язык и не чураться его.

— **За особые заслуги Вы были удостоены гражданства Латвийской Республики, позже были награждены и Орденом Трех Звезд. Однако как Вы сами определяете эти заслуги?**

— Вероятно, основная моя заслуга заключается в том, что, живя в Латвии, я тем не менее остался белорусом. Я в самом деле никогда не скрывал того, что

люблю свою нацию, язык и культуру. Но я никогда не настраивал людей против другой культуры. И как художник многие свои работы посвятил Латвии и ее людям.

— А у Вас не возникло мысли вернуться в Беларусь?

— Надо сказать, что раньше я не знал ни белорусской истории, ни белорусского языка — я же вырос в атмосфере русской культуры. Однако во время учебы в Академии художеств обратил внимание на то, какое бережное отношение к своей культуре, традициям и языку было у латышей. Тогда я задумался, кто же я такой. По паспорту вроде бы белорус... Я стал покупать белорусские книги, выписывать белорусские газеты, опять же большое влияние на меня оказали Владимир Короткевич и Рыгор Бородулин. Но когда приезжал в Минск и говорил в магазине по-белорусски, на меня накидывались: такой-сякой!.. А куда ж я приехал? Не в Россию же! Почему я не могу говорить дома на своем родном языке?.. Виновата в этом прежде всего власть, заставившая народ отречься от родного языка. Впрочем, когда бело-красно-белый флаг и герб «Пагоня» были признаны государственными символами, я стал приезжать в Беларусь с радостью, поскольку видел, как менялось у белорусов отношение к своей культуре и истории. Тогда же в Национальном художественном музее была организована выставка моих работ. В советское время подобное даже присниться мне не могло!.. Позже я был делегатом I съезда белорусов мира. Ну а сейчас... Мне неприятно приезжать в Беларусь. Там считают, что если говоришь по-белорусски, то уже националист. Я люблю Беларусь точно так же, как латыши любят Латвию, поэтому мне очень сложно было бы жить на родине, где воспитываются любовь ко всему русскому и нетерпимость к своему национальному. Лучше быть чужим в чужой стране, чем чужим на своей земле.

Игорь Добролюбов: «Некролога не было. Я — живой!»

Этот разговор с Добролюбовым состоялся не сегодня и не вчера. Два с лишним года назад кинорежиссер перенес тяжелейший инсульт, восстанавливаясь после которого начал лишь год спустя — Игорь Михайлович мог уже самостоятельно передвигаться и говорить. Однако в самый канун 2008 года случился второй инсульт. Добролюбов снова не ходит и не говорит.

Сняв в 1994 году картину «Эпилог», он словно напророчил себе судьбу — то была последняя картина Добролюбова. И вовсе не потому, что он не хотел или не мог снимать, — не дали. Самый известный белорусский кинорежиссер хотел экранизировать быковский рассказ «Желтый песочек». Желал этого с того самого 1998 года, когда впервые прочитал рассказ в газете. Но экранизировать Быкова Добролюбову не дали — у Министерства культуры якобы не нашлось на это денег. Понятно, что это была лишь отговорка. В действительности все дело в самих этих именах — Василь Быков и Игорь Добролюбов. Однако думается, что более всего пострадали мы — простые зрители, потому что так и не увидели, может быть, лучший добролюбовский фильм. Возможно ли подсчитать потери, которые понесла белорусская культура за эти четырнадцать лет?..

Публикуя теперь это интервью, мы просто хотим напомнить читателю о Мастере, который по-прежнему живет среди нас, а Игорю Михайловичу хотим сказать: мы Вас помним и любим.

— Игорь Михайлович, давайте начнем с самого начала: Вы же родом из Новосибирска?

— Наша семья уехала из Новосибирска, когда я учился в классе третьем или четвертом. Помню и детство, и выезды с

папой в тайгу — он был геодезистом. Все помню. Потом всякие пацанские штучки легли в основу фильма «Иван Макарович». Это биография моя и моего поколения. Позже я сделал еще одну картину про ребятнишек, но живущих уже в оккупированной Беларуси, — «Мама, я жив». То была диалогия, правда, моя, внутренняя.

— Вы же учились у самого Ромма. Говорят, Михаил Ильич был блестящим рассказчиком...

— Ой, он целую книжку наговорил! Я сам слушал эти рассказы, когда Михаил Ильич в больнице лежал. Но понимаешь, не хочется выпячиваться и говорить, что я часто бывал у Ромма в гостях, что он хорошо ко мне относился. Тем более что он ко всем хорошо относился.

— Тем не менее...

— Ну вот прихожу однажды к нему в кабинет и вижу свежие книжки — только из типографии. Мы о чем-то беседуем, а я все думаю, как бы это книжку попросить! Ромм, заметив мое нетерпение, говорит: «Да не ерзай ты! Подарю!» И уже когда прощались, Михаил Ильич написал в книжке: «Игорю Добролюбову — хорошему человеку от старого акушера». Прочитал я это уже на лестничной площадке и задумался. Потом только сообразил, что акушер — это не тот, кто рождает, а

кто помогает при родах. И стало мне так грустно, что по ту сторону двери остался гениальный человек, а я даже не могу расшифровать написанное им! Сидел я так и плакал... Ромм был великим учителем. Ты вдумайся: с одного маленького курса, который Михаил Ильич выпустил перед нами, вышли сразу две такие художественные величины, как Тарковский и Шукшин! И если Тарковский был из совершенно особенной, интеллигентской породы, то Вася Шукшин в сапожищах ходил. Говорят, что он был единственным человеком, не прочитавшим «Войну и мир», но принятым Роммом в мастерскую, что было непостижимо! Будто бы на вопрос: «А почему не читал?» — Вася ответил: «Книжка больно толстая». Но потом прочитал и писателем стал блестящим. Однако это надо было предугадать!.. Наш же курс знаменит «Белорусским вокзалом» Андриюши Смирнова, картинами Андрона Михалкова-Кончаловского... Помню, стоим мы как-то грустные в коридоре, курим (шел экзамен по мастерству). Возле ВГИКа припаркованы машины с дипломерами, по холлам ходят красиво одетые дамы, снуют фотографы с такими вот объективами — ощущение, что там слава, а тут — полный провал! Как вдруг в курилку выходит Ромм, спрашивает:

— Почему такие?

— Да ничего.

— Ну, дайте закурить.

Взял он «дукатик» (были такие желтенькие сигареты, по десять штукеч пачечка), выслушал нас и сказал:

— Слава — это такая женщина, которая приходит, когда захочет, и уходит, когда ей вздумается. Удержать ее невозможно, а ожидать — бессмысленно. Работайте.

Бросил окуроч, и пошли мы сдавать экзамен.

— Но и Ромму вытали в жизни испытания, он же сам вспоминал, как над ним вершили «суд чести» за письма «белоэмигрантскому» актеру М. Чехову. Многие

от Ромма тогда отвернулись...

— Когда я оканчивал ВГИК, Ромма уволили. Председателем «гэка» стал Иван Александрович Пырьев, приехавший посмотреть, чему же учил нас Ромм. Мы испытывали ужасное потрясение — как можно?! И когда наш курс пошел на похороны Ромма, мы негласно приняли решение: не дать никому из начальства подойти к гробу. И стали плечом к плечу и мы, и съемочная группа картины «Девять дней одного года», Баталов, Смоктуновский — чтобы никто больше не смог втиснуться! Так его и вынесли — сами.

— Вы же известны как автор не одного выдающегося фильма, но остались ли нереализованные замыслы?

— Сразу после курсовой работы по Николаю Чуковскому, ставшей моей дипломной работой, уже в Минске был зарезан сценарий Володи Короткевича «Гневное солнце палящее». Короткевич только приехал из Москвы с высших литературных курсов, я — из ВГИКа, тогда и познакомились. И как обнялись с ним, так не расставались до тех пор, пока цензоры не убили этот сценарий. Я, кстати, только сейчас понимаю, что это был прекрасный сценарий. То была философская притча о соотношении человека и чувства страха, ибо страх сопровождает человека всю жизнь, но в каждом возрасте приобретает новые формы. А через некоторое время зарезали сценарий Васи Быкова. Вот и инфаркт.

— Первый?

— Нет. Первый, наверное, случился после того, как был «закрыт» сценарий Володи Короткевича.

— А к своим фильмам Вы долго готовились?

— Некоторые начинал снимать, пока еще писался сценарий. Одновременно сценарий валтузили где только можно — проверяли. Так случилось, например, с картиной «Третьего не дано» — о великом белорусском мужике

Василии Захаровиче Корже, который, отвоевав в Испании, шел за изучение китайского языка, поскольку считал, что мировую революцию надо устраивать в Китае. Потом, во время Великой Отечественной, организовал первое партизанское соединение. Уже после войны, будучи генералом, получил пост заместителя министра лесного хозяйства, но, приехав однажды в свою родную деревню Хоростово и увидев глухую нищету, ушел с этого поста и стал председате-

Игорь Добролюбов, Лев Дуров и Владимир Орлов

лем колхоза... Картина прошла тихо, поскольку ну что это за пример?! Нехороший пример подает мужик Корж!

— Нареканий много было?

— У-у! Цеплялась цензура, цеплялась. Особенно Иван Иванович Антонович доставал. Правда, понять его было практически невозможно, поскольку он, видите ли, мыслитель, Сократ! А у меня на картине консультантом был доктор исторических наук, академик, но мне было сказано, что доктора и академики тоже ошибаются.

— Антонович сказал?

— Ну да. Но мне не хочется ворошить это. Антоновича не существует для меня.

— А к картине «Расписание на послезавтра» цензура тоже цеплялась?

— Ой, там были такие претензии: мол, школа нетипичная — у нас таких школ быть не может! Однако сие неправда — за образец я взял школу великого академика-математика Лаврентьева,

организовавшего новосибирский Академгородок, рядом с которым находились еще и университет, и физматшкола. Дело в том, что Лаврентьев постоянно искал таланты и, когда находил способного к математике паренька, забирал к себе, даже если у того была «двойка» по диктанту, и уже через год паренек был отличником буквально по всем предметам. А все потому, что в школе существовала атмосфера неприличия чего-то не знать, чего-то не уметь... Насколько мне известно, мою картину защищал потом в Академии педагогических наук Сергей Аполлинарьевич Герасимов.

— **А к «Белым росам» тоже придирались?**

— Уже не дергали. Разве что премию не давали, хотя и выдвигали. А тот факт, что народ так полюбил эту картину, для меня является полной неожиданностью. Тем более что я, как автор, знаю, что есть у меня более тонкие по искусству картины — «Осенние сны», положим. Но народ твои соображения в расчет не берет... Меня вот недавно подвозил один мужик, разговорились, и когда он узнал, что я — автор «Белых

Николай Караченцев и Игорь Добролюбов

рос», денег с меня не взял... В картине ведь играют не только хорошие актеры — люди хорошие, и зритель,

очевидно, это чувствует. Скажем, божественный Санаев, хотя невозможно было заподозрить, что Всеволод Васильевич — яркий комедийный артист! Я понял это, когда мы, будучи в Болгарии, вместе проводили время: я вдруг увидел, что глаз-то у Санаева озорной, шустрый и хулиганистый! А если еще Борис Кузьмич Новиков к нам заходил, тут я от общения испытывал одно наслаждение...

— **Цензура цензурой, но ведь могли и на экран фильм**

не пустить, премию, как Вы сами говорите, не дать...

— На премию комсомола была выдвинута еще первая моя картина, но свои же ребята в Союзе кинематографистов «забодали» ее — проголосовали против. Там ведь не объясняют: против — и все. У нас же критика какая? «Артист Иванов в сцене на базаре явно недотягивает», — вот врезалась мне в память цитата из Бондаревой! Правда, за «Ивана Макаровича» уже много премий дали — картина выдвигалась и на фестивале республик Молдавии, Прибалтики и Беларуси, и на Всесоюзном фестивале, и в Венеции.

— **В Венецию Вас, очевидно, не пустили?**

— Все делалось гораздо тоньше: сообщают, что, мол, в Москве ждут, но документы твои задерживаются. А я уже черный костюм купил, и бабочку женщины мои сделали, как вдруг из Москвы пришло известие: в Венеции — холера, надо сделать прививку. Рано утром иду в санэпидемстанцию, а мне говорят:

— Укол-то мы сделаем, но через две недели ты должен явиться повторно.

— Давай сразу две! — прошу я.

— Больно будет.

— Зато Венецию увижу!

В результате мне вкалывают двойную дозу, и я валяюсь дома на койке — коленки к подбородку, глаза белые, страшные, зрачков не видно, а Венеция проходит сама собой — документы вовремя не поспели. Кто-то ловкий из Госкино СССР, собравшись, поехал вместо меня. Ну, лафа же съездить в Венецию за государственный счет!.. Помню, бегу как-то на студию, льет дождь, я выдергиваю из почтового ящика газету и только сел в троллейбус, как сразу прочитал, что мой «Иван Макарович»... И не раз так потом документы «не поспевали»... Однажды я спросил в Москве:

— Как же так? Картина моя получает премию, я ее автор, но я — здесь, а картина — там!

На что мне ответили:

— Будьте уверены, Игорь Михайлович, что Вашу картину представляли вполне достойные люди.

— Охотно верю. Но это — моя картина.

— **А чего Вам жаль из тех работ, которые не идут сейчас на экране?**

— «Расписание на послезавтра», «Третьего не дано», «Улица без конца», «Плач перепелки». Наверное, будут вспоминать и о моей причастности к детской картине «По секрету всему свету», где поется: «Ля-ля, жу-жу. Я секретов не держу...» Впрочем, все это уже пережито, и меня сейчас больше волнует, что будет с нашим кинематографом. Но как кинематографист я давно уже не нужен. Однако некролога еще не было! А если бы хоронили, то Министерство культуры, наверное, приняло бы в этом участие. Но я — живой!..

Правда, было время, когда меня вместе с Брылем избрали в Комитет по госпремиям, однако ротировали сразу, как только комитет стал президентским и когда «наверху» была просмотрена последняя моя картина «Эпилог». Хотя помню, что у одного замминистра сразу после просмотра руки тряслись, другой... тоже находился под впечатлением. А на одного, видно, фильм повлиял иным образом. Фамилия его — Заметалин. Вот от него, вероятно, и пошло наверх, президенту, что Добролюбов — человек ненадежный, оппозиционер. Впрочем, не только меня позабыли — забыты создатель белорусской мультипликации Олег Павлович Белоусов, Слава Никифоров, Виктор Дашук, Ждановский.

— **А если бы Вас сейчас позвали на «Беларусьфильм», пошли бы?**

— Несомненно, поскольку у меня школа есть. (Добролюбов показывает на портрет М. Ромма. — С. Ш.) А в нашей профессии, помимо всего прочего, важна школа...

Фото автора

«Из всех стран Восточной Европы только в Беларуси немцы не смогли поднять местное население на еврейские погромы»

Ольга ГРИНЕВИЦКАЯ,
<http://nv-online.info>

Известный журналист Александр СТУПНИКОВ снял документальный фильм о Второй мировой войне. Лента еще не вышла в широкий прокат, но уже наделала много шума и обещает быть скандальной. Автор обратился к теме, которая никогда не поднималась: о еврейском партизанском движении в Европе; о том, как оно зародилось и как выживало; как не только нацисты, но и местные жители расправлялись с евреями.

О событиях тех дней рассказывают очевидцы, которых Ступников разыскал в Беларуси, Литве, Польше, Словении...

Александр СТУПНИКОВ

— Саша, как возникла идея фильма?

— Это произошло довольно просто, как и все в этой жизни. Я начал готовить совсем другой проект, причем и интересный для меня, и необычный, и даже коммерчески привлекательный. Но внезапно вышел на тему партизанского движения в годы войны. Все оказалось далеко не так однозначно, как нам говорили в советские времена. С другой стороны, антифашистов, патриотов нынче стали подавать тоже однобоко. Свобода слова там, где к ней не готовы, — это и свобода глупости и поверхностности...

Я и раньше слышал о еврейских партизанских отрядах. И вдруг эта тема всплыла снова. Оказалось, что она совершенно не изучена, более того — всегда замалчивалась. Даже на Западе более чем за полвека о еврейских партизанах никто ничего не снял. И написано очень мало. Всё только вселенский плач о Холокосте! В коммунистических странах эта тема тоже не звучала. Более того, оказалось, что и еврейский истеблишмент почему-то «предпочитает» говорить только о жертвах, и лишь вскользь — о героизме и

борьбе. У меня возник вопрос: «Почему?»

Со временем этих «почему» становилось все больше, и я приступил к работе. Сначала только в Беларуси. Искал ответы на вопросы: как еврейские партизанские отряды появились, как выжили в Холокосте, почему именно в Беларуси таких отрядов было подавляющее большинство, в каких условиях они создавались, с какими трудностями сталкивались?

Но потом понял, что еврейские партизаны здесь — это часть общего Сопrotивления, еврейского Сопrotивления всей Европы. И наряду с темой Холокоста, без которой невозможно говорить о еврейском Сопrotивлении, всплыла проблема коллаборационизма. Так и пошло-поехало...

— Поэтому фильм назван «Изгой»?

— Название пришло уже в ходе работы над материалами. Я вдруг нашел — на основании того, что услышал и собрал, — совсем другой подход к этой теме.

Во время войны евреи на самом деле неожиданно для себя оказались одни — один на один

со смертью и несправедливостью.

Шла война. И одни соседи начали убивать евреев, как в Балтии. Другие смотрели и отворачивались. А чтобы оправдаться перед собой, обвиняли евреев в коммунизме и во всех смертных грехах. Третьи спокойно присваивали имущество евреев и вселялись в их дома. Четвертые сами не убивали, но собирали евреев в эшелоны и депортировали. Или поступали, как болгары, которые своих евреев — пятьдесят тысяч человек — Гитлеру не отдали, но Болгария как союзник Германии оккупировала Македонию и Северную Грецию и всех тамошних евреев «преподнесла» немцам. И так далее...

В итоге миллионов людей как будто не было на этой земле. Только в Беларуси погибли 800 тысяч евреев. В Польше до войны их проживало более трех миллионов. А сегодня — где-то шесть тысяч.

Те евреи, кому повезло выжить, кто был в подполье или ушел в партизаны, там тоже нередко оказывались одиноки. И в партизанах встречался антисемитизм, и не хотели принимать еврейских беженцев, и верили слухам, что беженцы из гетто — это засланные агенты. Всякое бывало. Но то, что было в Украине, Польше, странах Балтии, — просто кошмар. Я, например, и раньше встречал информацию о том, что, скажем, в Польше евреев не любили. Это не новость. Но то, что в Литве и Беларуси еврейские партизаны погибали не только от рук

немцев или полицаев, но и от рук польских партизан, меня удивило. И это были не единичные случаи. Иначе я бы на такие факты не клонул...

Или, например, я впервые узнал, что из всех стран Восточной Европы только в Беларуси немцы не смогли поднять местное население на еврейские погромы и потому начали уничтожение сами. При помощи завезенных сюда карателей из соседних стран. Я не знал, например, и того, что, когда немецких евреев вывезли в Минск (и в Ригу), то у них было свое гетто в гетто, своя проходная, паек, своя полиция. Хотя уничтожали всех одинаково. То есть Холокост, который обычно валят только на немцев, — «заслуга» не отдельных выродков, а, в сущности, та же коллективная вина (за исключением Беларуси). Поэтому об этом стараются не говорить, поэтому антисемитизм жив и тлеет. До своего нового часа.

— Но почему сами евреи столько лет молчат об этом?

— Те, кого в годы войны убивали тысячами, тоже думали (и об этом говорится в фильме), что «такого» не может быть. Оказалось, все может быть.

Всю вину за геноцид свалили на немцев... Но посмотрите: даже в западных цивилизованных странах, когда евреев увозили «на переселение», в лагеря уничтожения, абсолютное большинство их соседей вздохнули спокойно. Имущество и дома-то остались. Есть где жить и спать! И можно повесить свою вывеску над лавочкой или мастерской.

Евреи даже в партизанах нередко были изгоями, и принимало их только коммунистическое подполье. Пусть не без проблем, но все-таки советские партизаны их принимали. Кому это на Западе понравится?

Сегодня у грамотного человека нацистская пропаганда, списанная у русских черносотенцев, вызывает почти смех. Мне в фильме молодой нацист говорит, что большевизм — это интернациональный жидизм. И ведь не

он один так считает! И когда пришли сильные, когда казалось, что они победили, что это и есть новые хозяева новой Европы, очень многие тоже стали так же считать. И уничтожать, хапать, делать вид, что ничего не происходит. Я оставил этого парня в фильме только потому, что он сегодня вслух говорит то, что не так уж редко другие думают или говорят дома...

А вообще я просто влюбился в тех, с кем работал. За их открытость. За их мужество. За их волю к жизни. Мне было по-человечески здорово познакомиться и с этими людьми, и с честными историками. Я знаю, что ничего не могу изменить. Ну и что? Это не аргумент, чтобы молчать и смотреть, как старая зараза снова разползается под разными другими личинами.

— С какими трудностями пришлось сталкиваться в процессе работы? Возникали какие-нибудь препятствия?

— Препятствий никаких и нигде не было. Ни в Беларуси, ни в странах Балтии, ни в Центральной Европе. Возникла чисто техническая проблема, когда я понял, что надо снимать в разных странах: я уже не мог обойтись только своими силами. Гостиницы, бензин, текущие расходы на поездку. Это стало давить. Телесъемки — это прежде всего деньги и затраты. И немалые. Тогда я аккуратно обратился в три солидные еврейские конторы. Например, в небедный Евроазиатский еврейский конгресс или, поддавшись советам друзей, — к совладельцу крупного латышского «Парекс Банка». Даже не за финансированием, чтобы не напрягать, а за «содействием» — просил «прикрыть» хотя бы несколько поездок в Литву, Латвию, Украину, Польшу... В ту же Словакию, где я нашел последнего еще живого командира еврейского партизанского отряда. Просто проект тянул из моего кармана больше, чем я предполагал. И я не успевал «пахать» на гонорары, чтобы вкладывать

их в него. Великолепно ответил третий «корреспондент» — председатель совета директоров одного балтийского банка и тоже большой еврейский активист.

— А где я буду в этом фильме? — спросил он.

— А вы что, тоже были в партизанах? — спросил я.

— Но если меня там не будет, то какой мне смысл?... — логично объяснил он и отказался...

И тогда мне стало легче. Я понял, что так же, как и мои герои (живые и погибшие), просто должен сделать то, что задумал. Как и они — вопреки. Вопреки деньгам, равнодушию «баблого быдла», обывателю, мечущемуся между кухней, магазином и туалетом. Вопреки тому, что

кому-то что-то не понравится. Вопреки растерянности, которую я видел на лицах зрителей после нескольких просмотров.

— Какой эпизод, на ваш взгляд, стал самым ярким в фильме?

— Таких эпизодов много. Я просто влюбился в партизанку Фаню Бранцовскую из Литвы. Ее недавно дернули в литовскую прокуратуру, потому что ее отряд разгромил самооборону в деревне Конюкай (Конюхи). Эту самооборону вооружили немцы против партизан. Во время боя там погибли и мирные жители. Это, говоря сегодняшним языком, семьи полицаяев. Так вот, нельзя было их трогать. Надо было, как немцы, селекцию устраивать. Партизанский геноцид получился.

Меня очень резануло, когда выживший в рижском гетто пожилой умный человек искренне признался: он всю жизнь не может простить себе, что не пошел со своей матерью на расстрел. В Риге в гетто сначала расстреляли всех женщин, стариков и детей, мужчин оставили работать.

Люди почему-то были искренни перед камерой... Кто-то из интервьюируемых вспомнил, что среди десантников — партизан, засылаемых из Москвы, — особо примечал сибиряков. Очень светлые, исконно русские люди были напрочь лишены даже намек на антисемитизм. Или чистокровный еврей — бывший разведчик в немецком вермахте — говорил, что был близок к самоубийству, так как ему казалось, что он мало делает для Родины. Или командир словацкого еврейского отряда почти в триста человек рассказывал о Словацком восстании, как это было, как они дружили, как там была рота из евреев-ортодоксов....

— Саша, где будет показан этот фильм? Сможет ли его посмотреть белорусский зритель? Не предлагали ли вы его, например, Белорусскому телевидению?

— Русскоязычное ТВ сегодня, по-моему, как и в прежние

времена, живет политико-историческими мифами и скармливает их зрителю. Много передегивания или подгасовок под ту или иную концепцию. И то, что эти концепции и представления не едины, как раньше, не помогает, а только создает мешанину в голове у неподготовленного человека. Подобранные факты и фактики вроде что-то говорят, и вроде все солидно, но все равно — о мифах. Я не делал этот фильм под заказ. Я рассказал о том, что узнал. А поскольку малоизвестных фактов было много, я их не нанизывал на какую-то концепцию «за» или «против». Просто попытался понять через Холокост, коллаборационизм и партизан, что тогда происходило и с евреями, и с их соседями.

В фильме есть то, что не понравится кому-то в странах Балтии, в Польше, в Украине. Многое — о чем не принято говорить. Я

сознательно не стал нагнетать скандальность каких-то фактов или моментов. Что-то пришлось разжевать, потому что на Западе на самом деле не так много знают о той войне. И в этом нет ничего удивительного. У людей короткая память. Иначе бы веками не повторялось одно и то же. В Израиле очень мало или почти не знают даже о самом факте существования еврейских партизан.

Я сделал этот фильм, как увидел. Сделал так, как хотел показать своим детям. Сделал как подарок тем замечательным людям, с которыми встретился, пока работал над фильмом. Я ничего не доказываю никому — только самому себе. Есть древняя еврейская истина: «Если не ты за себя, то кто же? Но если ты только для себя, то зачем ты?» Значит, мне это было нужно. Разве может быть более серьезный стимул, чтобы жить и уважать себя?

Photo.bymedia.net

О евреях-партизанах рассказывает Голливуд

Голливудский режиссер Эдвард Цвик (фильмы «Последний самурай», «Легенды осени») в ноябре представил новый фильм «Вызов» («Defiance») — о братьях-евреях, организовавших в лесах под Новогрудком партизанский отряд. В главной роли — Дэниэл Крэйг, только что пленивший зрителей в «Кванте милосердия», очередной серии бондианы. В «Вызове» снялся также Лив Шрайбер, известный нашему зрителю по фильмам «Омен», «Гитлер: Восхождение Дьявола».

Съемки, впрочем, велись не под Новогрудком, а в Литве, куда год назад режиссер Эдвард Цвик приехал, вдохновленный сценарием Клэя Фромана по книге Нехамы Тека о похождениях командира еврейского партизанского отряда Тувии Бельского. В «Вызове» рассказывается о том, как четверо братьев Бельских после убийства нацистами их семьи организуют в лесах под Новогрудком партизанский отряд, чтобы помогать угнетаемым евреям. Постепенно отряд растет, крепчает, стойко переносит лишения войны, строит свои непростые отношения с местными советскими партизанами... Жанр фильма — военная драма.

В массовых сценах были заняты и белорусы — студенты Европейского гуманитарного университета. одному из участников массовки даже удалось добиться, чтобы в фильме партизаны пели «Купалінку». А Дэниэл Крэйг на съемках в Вильнюсе «порочил облик белорусского партизана» — все свободное время проводил в обществе красивых девушек.

Премьерный показ «Вызова» в начале ноября закрывал фестиваль Американского института кино AFI FEST. Этот кинофорум ежегодно проходит в Лос-Анджелесе и считается одним из старейших в США.

«Сотрудницу репертуарного отдела белорусского киноvideопроката вопрос о том, выйдет ли в наш прокат фильм «Вызов» с Дэниэлом Крэйгом в роли белорусского партизана, рассмешил. О существовании такой картины там пока не знают», — сообщает интернет-издание «Салідарнасць».

Шведскі інвестыгейтар Малкалм Дыкселіус

Барыс КАПЛЕВІЧ
Хапаранда — Стакгольм — Мінск

Малкалм Дыкселіус у 80-х быў шараговым шведскім тэлерапартажэрам — працаваў, праўда, у Маскве. Зараз ён працуе ва ўласнай кампаніі «Dixit», якая спецыялізуецца на вытворчасці дакументальнага кіно ў Швецыі, і ў «Deep Sea Productions» — фірме, што арганізуе падводныя здымкі. Але ў сярэдзіне 90-х ягоная спецыялізацыя вызначалася гэтак: журналіст-інвестыгейтар. Што гэта такое, Малкалм тлумачыць «Абазуру».

— Малкалм, інвестыгейтарскай журналістыкай вы заняліся падчас працы ў Расіі?

— Так, бо аднойчы раніцай я прачнуўся з адчуваннем, што мне ўжо надакучыла звыклая праца. Штодня нават сярод начы мяне магі пабудзіць і загадаць пісаць падводку для тэлесюжэта. Але мне ўжо гэта надакучыла! Я жадаў сур'ёзнага, доўгатэрміновага, глыбокага! І адчуваў, што магу скарыстаць свой карэспандэнцкі досвед і веданне рускай мовы.

У 1993 годзе я звольніўся з тэлекампаніі, дзе працаваў, і

заснаваў сваю фірму «Dixit» па здымках дакументальных фільмаў. Амаль адразу атрымаў замову на фільм пра арганізаваную злачыннасць у Расіі.

Праз свайго асістэнта я выйшаў на Андрэя Канстанцінава — чалавека, які і прывёў мяне ў інвестыгейтарскую журналістыку. На той час ён быў малавядомым супрацоўнікам піцёрскай газеты «Смена». Але менавіта Андрэй меў «выхад» на пэўных лідэраў арганізаванай злачыннасці. Цэлы год мы працавалі разам з ім, добра пасябравалі і напісалі нашу першую сумесную кнігу — «Rysslands undre värld» («Злачынны свет Расіі»). Гэта і стала пачаткам маіх расследаванняў. А Андрэй потым заснаваў сваё агенцтва па расследаваннях, якое працуе і сёння. Паводле некаторых расследаванняў ён піша кнігі. Экранізаваны «Бандыцкі Пецярбург» таксама паходзіць з ягонай кнігі.

— То бок змена вашай прафесійнай спецыялізацыі — вынік невыпадковага ішчаслівага выпадку?

— У нас шмат агульнага з Андрэем. Абодва мы былі вайсковыя перакладчыкі. Я, праўда,

не ўдзельнічаў у вайсковых аперацыях, а Андрэй прайшоў Лівію і Йемен. Я вучыў Андрэя журналісцкім навыкам. А ён мяне — як выжываць у небяспечных сітуацыях. Але, дзякуй Богу, усе нашыя расследаванні абышліся без эксцэсаў.

Хаця зараз, як я ведаю, у Андрэя эксцэсы часам здараюцца. Супрацоўнікі ягонага агенцтва, бывае, выходзяць за межы журналістыкі. Аднаго разу яны затрымалі кілера і перадалі яго міліцыі.

— Вам ніколі не пагражалі, калі вы праводзілі расследаванні ў Расіі?

— Не. У нейкім сэнсе мне пагражалі толькі падчас працы ў Савецкім Саюзе. Але я не лічу, што тады гэта было нечым незвычайным. Для КДБ было штодзённай справай сачыць за межнымі журналістамі. Асабліва калі гэта былі амерыканскія, брытанскія і французскія карэспандэнты. І асабліва калі яны пісалі пра палітыку. Тое, што рабіў шведскі журналіст, іх не гэтак цікавіла. Толькі ў выпадку, калі я накіроўваўся ў балтыйскія краіны, мне сядалі на «хвост». Справа ў тым, што апазіцыя

ў краінах Балтыі, моцная ўжо тады, мела шчыльныя кантакты са Швецыяй. І тое, што я пісаў пра гэты рэгіён, магло пэўным чынам паўплываць на ход палітычных падзей. Супрацоўнікі КДБ пагражалі не асабіста мне, а галоўным чынам людзям, з якімі я збіраўся сустракацца. Але, паўтараю, для савецкага ладу гэта было натуральна.

У 80-х я сутыкаўся ў асноўным з уладамі, а ў 90-х — з бандытамі. Але з крахам савецкай імперыі журналістам ва ўсіх сферах стала лягчэй працаваць. На той час не існавала тэмаў, якія былі пад забаронай. Усё было даступна. Я не думаю, што «злодзеі ў законе» сёння гэтак жа дасягальныя для журналістаў у Расіі. Цяпер да іх дабрацца значна больш складана, чым 15 гадоў таму. Як і больш складана сёння дабрацца да палітыкаў і афіцыйных бізнесоўцаў. У станаўленні рынкавай дзяржавы Расія мае многія дасягненні, але вядомая і многімі недахопамі: адсутнасцю празрыстасці, большым узроўнем арагантасці. Бізнесоўцы, калі да іх прыходзіць журналіст, проста зачыняюць перад ім дзверы. Можна, яны робяць свой бізнес і легальна, але не хочуць, каб хтосьці пра гэта ведаў.

— У Швецыі даступна да буйных палітыкаў і бізнесоўцаў прасцей?

— Да палітыкаў — прасцей. Ім неабходныя журналісты. Без прэсы палітыкі не могуць змагацца за ўладу. Але, у адрозненне ад амерыканскіх палітыкаў, якія адкрываюцца для журналістаў толькі ў выпадку, калі бачаць нейкую выгоду ад кантактаў з прэсай, шведскія рады любому шанцу «засвяціцца» ў СМІ. Ну а буйны бізнес такі ж скрытны, як і паўсюль. Хаця ёсць рэдкія выключэнні кшталту Інгвара Кампрада — заснавальніка «IKEA». Такія людзі дзейнічаюць не па законах вялікага бізнесу, а па сваіх асабістых правілах.

Ну а ўвогуле шведскі рынак больш празрысты ў параўнанні з тым жа расійскім не таму, што бізнесоўцы гэтага хочуць, а таму,

што таго патрабуюць рынкавыя ўмовы.

— Ці ёсць у Швецыі свая школа інвестыгейтарскай журналістыкі?

— Ёсць, і прычым вельмі развітая. Для яе вытокаў стаяў Ян Гію. За апублікаванае ім расследаванне пра засакрэчаную секцыю ўнутранага шпіянажу ў Швецыі — гэты шпіёнскі адзел быў скрыты нават ад парламента — Гію асудзілі і пасадзілі ў турму ў 1970-х гадах. Ён выкрываў людзей, якія займаліся таемным адсочваннем. І суд палічыў, што такім чынам Гію раскрыў дзяржаўную тайну. Мне падаецца, тое было гістарычнай памылкай. Сёння наўрад ці хто

асмеліўся б асудзіць кагосьці за такое расследаванне.

Ян Гію здолеў стварыць цэлую школу інвестыгейтарскай журналістыкі ў Швецыі, адкрыў метады расследавання для многіх. І ў 1970–80-я гады стала вельмі модна мець уласныя расследавальныя аддзелы ў рэдакцыях.

Ну а зараз ледзьве не кожны журналіст лічыць сябе ў пэўнай ступені інвестыгейтарам. Атрымалася, што расследаванне перайшло з катэгорыі жанру журналістыкі ў катэгорыю метаду.

— Вы кажаце, у 70–80-х гадах расследавальныя аддзелы былі вельмі папулярнымі. А ці засталіся ў шведскіх газетах гэтыя адмысловыя аддзелы сёння?

— Здаецца, яны ўжо зніклі. Гэта вельмі дорага для рэдакцыі — трымаць цэлы аддзел журналістаў, якія займаюцца выключна расследаваннямі. З аднаго боку, на расследаванне трэба шмат часу. З іншага — вялікая верагоднасць памылкі. Здаецца, што праз паўгода расследавання журналіст прыходзіць да высновы, што яго ўвесь гэты час падманвалі! І для таго каб атрымаць якасную інвестыгейтарскую працу, здаецца, што памыляцца даводзіцца два-тры разы! Таму рэдактары аддаюць перавагу звычайным штатным журналістам, якія час ад часу займаюцца расследаваннямі.

— Чаму асабіста вы адышлі ад расследаванняў?

— Я ніколі не лічыў сябе сапраўдным інвестыгейтарам. Мая сутнасць — ствараць. Я ствараю фільмы, праекты, сецівы. Інвестыгейтарская праца вельмі індывідуальная. А я ненавіджу архівы! Не магу доўга сядзець на адным месцы. Калі без таго не абысціся, я замаўляю гэтую працу людзям, якія робяць яе значна лепш за мяне.

— А вы ведаеце пра інвестыгейтараў у Беларусі?

— З некаторымі такімі журналістамі я сустракаўся. Я разумею,

Малкалм Дыкселіус — журналіст, пісьменнік, тэлепрадзюсер, выкладчык. Акрамя гэтага, ён яшчэ і ўласнік і менеджэр кампаніі «Dixit International». Дыкселіус спрадзюсаваў шэраг дакументальных фільмаў, у 1970–1980-х гадах працаваў на шведскім тэлебачанні і радыё. Амаль 10 гадоў быў карэспандэнтам Шведскага тэлебачання ў Маскве. Самыя вядомыя ягоныя фільмы — «СССР Hockey» і «Mr IKEA — The Man Who Wanted to Furnish the World». Выкладае на семінарах па інвестыгейтарскай журналістыцы.

што ім вельмі складана ладзіць працу ў вашай краіне. І самая вялікая цяжкасць — надрукаваць падрыхтаванае расследаванне, таму што ваш журналіст у небяспецы, нават калі матэрыял апублікаваны за мяжой і пад псеўдаімям.

— **Ці не хацелі б вы працаваць у Беларусі?**

— У маёй фірмы быў дастаткова сур'ёзны праект сумесна з эстонскімі калегамі. Мы мусілі падрыхтаваць дакументальны фільм пра дэманстрацыі апазіцыі і пакараных турмой палітыкаў пасля выбараў у 2006 годзе. Гэтую тэму я не сам абраў. Шведскае тэлебачанне папрасіла заняцца праектам. Але праз тое, што фільм палічылі недастаткова цікавым для міжнароднага ўзроўню, праект прыпынілі.

— **Якою вы бачыце будучыню інвестыгетарскай журналістыкі?**

— Зараз мы павінны зразумець, якім чынам на гэты від журналістыкі ўплывае інтэрнет. Амаль кожны журналіст сёння мае навыкі пошуку інфармацыі ў глабальным сеціве. Гэта стала прычынай таго, што эксклюзіў становіцца цяжэй знайсці. Інтэрнет прапаноўвае неабмежаваную колькасць крыніц інфармацыі. І трэба ўмець адрозніць вартасную тэму ад штодзённай, даступнай усім. Інтэрнет цалкам змяніў структуру і псіхалогію нашай працы.

З іншага боку, заўжды будзе падстава для расследавання. Таму што эксклюзіўныя тэмы, якія мы абавязаны раскрываць, заўсёды хаваюцца — нават ад інтэрнету. І гэта няпростая задача — дабрацца да іх.

Самая вялікая складанасць — гэта доўгатэрміновасць, якая дорага абыходзіцца рэдактарам. Таму я думаю, што самыя эксклюзіўныя матэрыялы будуць рабіць фрылансеры. Тыя, хто не звязаны з рэдакцыяй, працуе дзеля працы, звычайна мае другую прафесію. І што самае важнае: яны маюць магчымасць працаваць доўга.

Журналістка

Упоительно весело — обсуждать мужиков. Причем независимо от того, какая у тебя профессия: медсестра ты из сельской медсанчасти, бывшая стерженщица с МТЗ, режиссер театра, колхозница или журналистка. Собери такой букет женщин вместе и заговори о мужчинах — общий язык найдется в любом случае, неважно, будут присутствующие дамы замужними или принципиальными «одиночками по жизни».

«Чужой» в доме

Разговорились мы в деревне, в Столбцовском районе, где я гостила у друзей. В неформальном «круглом столе» участвовали соседки — минские дачницы и местные жительницы. Прошлись бабы по своим мужикам с таким азартом, что мне даже стыдно стало оттого, что не могу вставить достойных слов (мое все — в прошлом, перегорело). Чтобы не выглядеть белой вороной, я начала было шерстить мастера с СТО, который давеча спер из моей машины бензин во время починки тормозных колодок. Но мой жалкий пример утонул в голосах тех, кто смог привести действительно веские доводы в доказательство того, что «мужик нынче пошел не тот».

Молчала только хозяйка дома, где я жила: у нее был когда-то «добры муж», который жалел ее и не давал «колоды поднять». 10 лет как помер. Но чувствовалось, что бабушку Регину Станиславовну все равно считают «счастливой», той, кому не дано «других баб понять».

...Когда ложились спать, баба Реня капнула мне самогоночки с медом. Мы и выпили. И только когда уже легли — каждая в свой угол, — Станиславовна сочувственно спросила:

— А где ж твой-то мужик делся?

— Он с мамой и папой своими живет, — ответила я, и это было правдой.

— Ну... Бог с ним, — пробормотала со своей перины баба Реня, а я провалилась в чудесную деревенскую ночь...

«Ненавижу мужиков»?

Ерунда. Это не я сказала. Наверное, надо объяснить, откуда фраза возникла. Дело было так. Главный редактор «Абазура» на одной из тусовок в ИВВ (на трезвую голову и среди бела

дня) довольно эмоционально и, похоже, искренне произнес очень странную фразу:

— Ненавижу мужиков!!!

Он сказал, я услышала.

Мы переглянулись.

Потом с задумчивым видом съели несколько бутербродов с рыбой (это чтоб ясно было, как происходило, а вообще-то там все ели — ведь фуршет!). И вдруг тот же голос произнес очень теплые слова о моем — дамском — племени:

— Бедные вы женщины, сколько вы от нас, мужиков, натерпелись!

Я начала было кивать, но, сообразив, что не понимаю пока, к чему клонит редактор, старательно увлеклась бутербродом.

— Кстати, — продолжил собеседник, — обратил внимание: журналистки наши — в основном не замужем...

— Ну, я вообще-то теоретически замужем, — сразу стала оправдываться я. — Де-факто, конечно, все выглядит иначе... ммм, есть нюансы. Но у меня в принципе почти все в норме, дети...

Взглянув в глаза «мужененавистнику», я поняла, что про оставшийся со времен оных штамп в моем паспорте и про детей можно было и не говорить. Диагноз был поставлен. Ну и ладно.

Я окинула взглядом круглый зал ИВВ, заметила пару своих бывших кандидатов не то чтобы в мужья, но, во всяком случае, в «друзья дома», увидела озабоченные лица знакомых журналисток из агентства: им еще успеть выспросить и отдиктоваться. Попыталась вспомнить, замужем ли они. И тут взгляд уперся в завсегдашнюю всевозможных приемов — стареющую коллегу Х, которая шла прицельно к нашей паре с четкой мыслью отвлечь моего визави. Я машинально подумала, что Х, наверное, несчастная женщина — очень странная и... как раз-то не замужем. Это что-то значит? Это связано с ее профессией? Мало ли

ЖЕНЩИНА ИЗ ДРУГОГО НАРОДА.

Или просто так жизнь складывается?

Марина БЕЛЯЦКАЯ

одиноким и странных людей на свете? И странный ли человек оттого, что одинок, или наоборот? Да кто вообще определил норму?

Конечно, абсолютное большинство женщин, что бы они там ни говорили, желают иметь рядом мужчину — назови его как хочешь: супруг, друг, любовник, партнер и пр., и пр. Но если выясняется, что «друг — и не друг, и не враг, а так...», есть ли смысл делать из этого трагедию или притворяться, лишь бы на тебя не смотрели сочувственно: бедная ты женщина, не замужем...

Когда Х уже собиралась украсть у меня собеседника (а мы с ним ведь не договорили!), я поспешно дернула редактора за рукав:

— Так что там с журналистками?

— По-моему, тебе видней. И не написать ли тебе об этом статью? «Незамужняя профессия» — вот условное название.

— А наша профессия действительно незамужняя? — спросила я редактора, потихоньку перебирая в уме своих знакомых коллег.

— Да сплошь! — уверил меня он. — Даже те, кто замужем, очень часто в семье одиноки.

— А ты откуда знаешь?

— Рассказывают...

Сам дурак!

Назавтра я позвонила нескольким знакомым с целью прощупать ситуацию. С одной стороны, мужчины (я провела мини-опрос среди представителей разных профессий) полагают, что журналистки:

- слишком самоуверенны
- слишком суетливы
- слишком неуправляемы
- слишком умны
- слишком эмоциональны

— слишком непредсказуемы

— ленивы

— бестолковы в быту

— слишком много хотят

— развратны

— на них нельзя положиться.

Первые 4 пункта повторялись всеми «респондентами», последние 4 были высказаны единожды.

Незамужние журналистки «в ответ» говорили о тех, кто предлагал им свои руку и сердце, следующее:

— глупый

— не может заработать

— не «мое»

— поговорить не о чем

— жадный

— вроде, много пьет

— ну не могу я с ним — и все

— альфонс

— незрелый, инфантильный.

Были еще некоторые частные причины, которые я в список не внесла.

Потом я «прошла» по тем, кого считаю истинными журналистками. Выходило странное дело: почти все более или менее известные и активные минские профессионалы действительно или не замужем, или замужем, но, как говорил редактор, «мужа как бы нет».

Еще одно наблюдение: чем проще жанр, тем чаще журналистки оказываются замуженными.

А еще мне подумалось о тех, кто после многих лет активной работы вдруг пропадает с газетных полос или из эфира. Как правило, причина одна: дамы выходят замуж и сразу — заметьте, СРАЗУ — перестают активно писать или бегать с микрофоном. Примеры? А вот вспомните имена, которые так часто мелькали пять или десять лет назад!

Может, журналистки нуждаются в каком-то особенном мужском экземпляре? Или мужчины им мстят за

профессию солидным списком «недопусков», а журналистки на это: «Сам дурак»?

Ты меня уважаешь?

Неделю спустя я пригласила к себе «на чай» обозревателя «Комсомольской правды» Ольгу Антипенко. Именно эту молодую женщину я выбрала в собеседницы специально. Во-первых, мы достаточно хорошо знакомы и откровенны друг с другом. Во-вторых, — и это самое главное — однажды, года полтора назад, на веранде летнего кафе, под огромными звездами на темно-чернильном небе, под луной (и с потенциальными ухажерами за соседним столиком), Оля сразила меня наповал одной фразой:

— Я видала всякое!

И вот пришло время продолжить так и не начавшийся тогда «девичий» разговор.

— Скажи мне, Оля, — начала я бодро, — ты хочешь выйти замуж?

— Честно? Пока — нет.

— Причина?

— Я уже пожила почти семейной жизнью. И опыт был очень негативный. Знаешь, ужасно неприятно, когда тебя постоянно пытаются переделать и превратить в «нормальную домохозяйку».

— А это профессия тебе мешала стать нормальной домохозяйкой?

— Это не было связано с профессией — я уверена почти на 100 процентов. Правда, профпринадлежность в нашем случае уменьшает шансы построения семьи — той нормальной, полноценной, о которой ты говоришь.

Какая семья нормальная и полноценная, определено не нами и так давно до нас, нынешних, что, кажется, на традиционном понимании общество

уже поставило пометку: «арх.» (архаичное). Отсюда все эти гостевые, гражданские браки, браки людей, живущих в разных городах, и т. д. Важен факт наличия человека, которому веришь и с которым хорошо. Но это «хорошо» может быть и без повседневной жизни в одной квартире, без готовки обедов-ужинов и т. д.

К тому же век информационных технологий: всякие телефоны, аськи, скайпы... Ты на расстоянии можешь знать о человеке больше, чем вглядываясь в его лицо. Наверное, для людей, которые завязаны на IT-технологии, это может стать причиной отказа от традиционной семейной жизни.

— Короче, — заключила Оля, — нагородила я тут тебе всякого. А причиной может быть еще и то, что у нас (благодаря гляncy в том числе) культивируется образ успешной, красивой леди, которая обязательно должна быть не замужем! Вот некоторые и пытаются копировать, потом понимают: не мое, а уже поздно, мужчины разобраны! Впрочем, если женщина не замужем официально — то есть свободна, это не значит, что она одинока.

— Пожалуй, ты права. Но как будешь рассуждать спустя 10 лет?

Оля пожалала плечами и рассказала мне историю об одной молодой даме, которая тоже не задумывается о том, что ее ждет через 10 лет. Я даже догадалась, о ком речь. В общем, одна молодая женщина-репортер познакомилась в Минске с немцем, перспективным экономистом. Он постоянно приглашал ее на ужин. А у нее — то работа, то бассейн, то посиделки с коллегами и друзьями, то еще что-то... Она бы и не прочь иметь этого немца в друзьях (а может, и в кавалерах на всякий случай), но образ жизни не позволял всерьез переключиться на экономиста хотя бы на какое-то короткое время.

— И чем бы это закончилось? — спросила я.

— Наверное, браком... — подумав, ответила Оля.

— И тихой жизнью где-нибудь в районе Текленбурга?

Именно так заканчиваются романы журналисток с иностранцами. Свежайший пример — тележурналистка С., которая вышла замуж за немца и завершила этим карьеру.

Впрочем, есть и другие примеры. Лет пять назад в Бонне заместитель

главы администрации этого города сделал предложение еще одной минской газетчице, которая была там в составе группы деловых визитеров. И немец был не лишь бы какой. И предложил он нашей газетчице не тихую заводь в аккуратном поселке, а насыщенную жизнь в бывшей столице и там же работу на Русском радио, где «жених» когда-то трудился сам!

Но... Журналистка наша не решилась оставить давно опостылевшего безработного мужа, вечно переживавшего похмельный синдром. Она боялась, что законный супруг не позволит вывезти в Германию детей, на которых «жених» был безоговорочно согласен.

Муж той журналистки и сейчас не работает, продолжая бражничать. И они уже не вместе. Дети выросли и стали жить своей жизнью.

Жалеет ли коллега о том шансе, что упустила? Вы удивитесь! Она не уверена, стоит ли жалеть! Она сказала мне как-то: «Я ж должна думать на том языке, на котором говорят окружающие, иначе работать не смогу!»

— Гос-с-споди! — выдохнула я, услышав такое «объяснение». — Радио же тебе предлагали русскоязычное!

— Мало ли что может случиться. И здесь выпадает из обоймы, и там никому не буду нужна.

О том, чтобы жить просто ради семьи ТАМ, вопрос даже не поднимался.

О том, чтобы наладить свою жизнь с кем-нибудь ЗДЕСЬ, вопрос, насколько я знаю, уже не стоит...

— А ты заметила, — провоцирую я свою гостью Ольгу Антипенко, — что минские журналистки все чаще годам к 30 или за 30 заводят ребенка от мужчин, которых не один год любят? И отцы, Оля, своих внебрачных детей признают, но все равно не женятся на самоотверженных матерях! Почему?

— Ну, не знаю, — Ольга ненадолго задумалась. — А почему нельзя такие отношения признать нормальными? Это ведь своего рода гостевой брак.

И рассказала мне про подружку, которая долгое время встречалась с женатым мужчиной, родила одного ребенка, потом — второго... Все были в шоке: дура, мол, что ж ты делаешь? Он, правда, ее обеспечивал, но все равно: одна с двумя детьми! И вот недавно этот мужик развелся, они уже вместе дом строят, скоро новоселье.

— А в первой семье у мужчины дети были?

— Были. Так что... в отношениях такого рода дело не в детях, а в чем-то другом.

... Наговорившись вдоволь, мы с Ольгой Антипенко окончательно запутались: получалось, что «незамужество» журналисток упирается в обычные «человеческие» причины. Разве что одна причина особо важна: журналистке необходимо найти не просто мужчину-отца-хозяина, нужен, как минимум, человек, способный понять, что, если «надо работать, она будет работать», что бы там ни «горело» на плите или на другом семейном объекте. И еще: вербальное общение в семье никто не отменял. А о чем говорить с мужем, которого трясет от того, что ты «третий час за компом»?

Н-да... И языком молотим мы много. Вот с Ольгой так наговорились, что уже в пору было переходить на банальное: «Ты меня уважаешь?»

— А мужики таких женщин не любят... — сказала я Ольге, когда она уже, собираясь домой, вызывала такси. — Болтливых, я имею в виду.

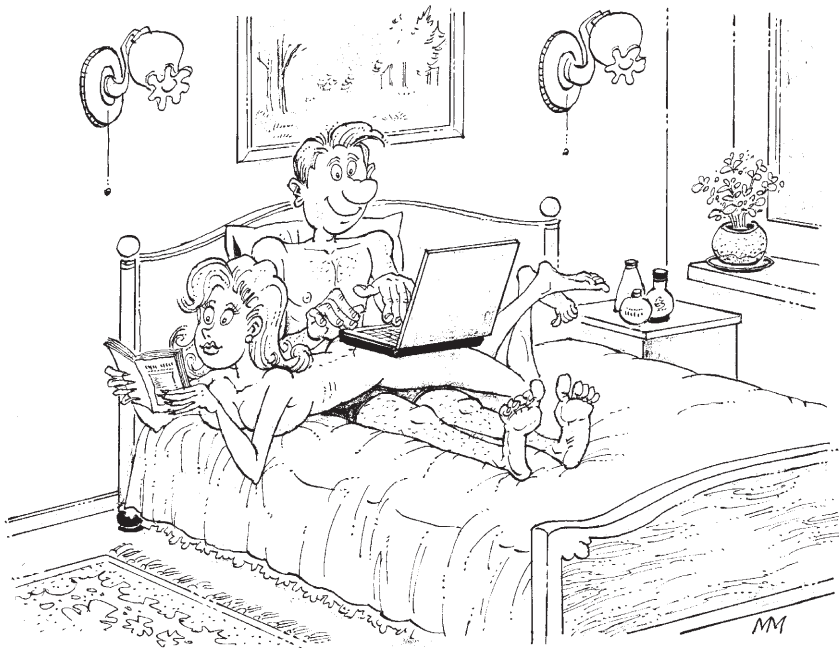
— Ох, не любят, — подтвердила Оля, допила чай и ушла.

Не видишь, я думаю!

А сейчас расскажу историю из своей жизни. Однажды я записала интервью, которое далось нелегко. Говорили почти 7 часов. Потом пришлось весь этот текст снимать, потому что для меня была важна каждая деталь — интонация, пауза, порядок слов... В общем, сняла я героически все 7 часов текста — получилось за 80 тысяч знаков. А надо максимум 17 тысяч. Куда девать остальную разговору? Как все вместить, как создать ощущение личности, хоть интуитивно, хоть вскользь, но охватить характер, чтобы читатель понял, что за человек перед ним вообще? А я его правильно поняла?

Голова — ватная.

Пошла стирать детские колготки. Машинка, как назло, сломалась. Стою в ванной, согнувшись. Тру в тазике портки изо всех сил, при этом думаю, как построить интервью в окончательном виде. Что важно, что можно опустить, как начать... Вот! Почувствовала, что, вроде, поняла и даже знаю, как будет выглядеть все на полосе и от чего оттолкнуться (это всегда трудно, если

для интервью нет конкретного информационного повода, если тема — сам человек). Словом, я вот-вот мысленно уже у цели! И колготки продолжаю руками тереть — осталось уже пару штук. Вот в этот-то момент, когда я почти поймала мысль за хвост, в ванную протискивается младшая дочь с радостным писком: «Мама, смотри, что я нарисовала!»

Хлоп! Мысль улетучилась безвозвратно. Дальше... меня надо было бы видеть! Мне потом рассказали домашние, на кого я была похожа. С искаженным досадой лицом и мокрыми трузерами я ору 6-летнему ребенку: «Ты что? Не видишь? Я ДУМАЮ!!!» Малышка ревет. Я вмиг опомнилась — кинулась обнимать, целовать, извиняться. На крик прибежала старшая дочь. Из ее оценок выходило, что «всех задолбала» моя работа, что мне какой-то интервьюируемый дороже родных детей!

Это, конечно, не так. Дороже детей никакой материал быть не может. Но вот то, что каждую неделю в моей семье «поселялся» совершенно чужой человек, о котором я постоянно думала: сначала перед тем, как пойти на интервью, потом во время разговора, потом — снимая текст и затем уж прикидывая, как полученное разговорное сырье использовать, — это было чистой правдой.

Ситуация с колготками и рисунком вскоре была описана старшей дочерью в школьном сочинении на тему «Моя мама». Я тут же оказалась вызвана в школу и получила втык от русицы,

которая пребывала в шоке и которую я так и не убедила, что все у меня в семье не столь страшно, как она думает! Просто, говорила я, когда я работаю, меня лучше не отвлекать!

— Но вы же, как я поняла, даже во время стирки работаете? — грозно вопрошала русица.

— Ну... — растерялась я.

— Вот! — подытожила учительница, и я не совсем поняла, что она хотела этим сказать.

Рисунок, кстати, долго висел в рамочке около моего компьютера — как напоминание и во искупление материнских грехов... А «чужой» — каждый раз кто-то новый, о ком пишу, — продолжает тихонько сидеть где-то рядом.

Посторонним вход запрещен

Иногда эти «чужие» могут вытеснить «своих». Ну... не совсем вытеснить, но потеснить изрядно — могут. Вот, например, мне рассказывала однокурсница — теперь известная журналистка, назовем ее Т.

Иду, говорит, я домой, уже 10 вечера, пока троллейбуса дождалась, пока он дотащился. Выхожу — а на остановке мои детки сидят... На скамеечке...

— А мужа что — дома не было? — спросила я.

— Почему? Был! Просто они по маме соскучились!

Как правило, такая ситуация не редка в семьях, где женщины-журналистки работают практически за

двоих, даже если «муж дома». Пишут «основное» и халтуру, делают аналитику на заказ, разбрасывают по сайтам статьи и информашки... И только так они могут содержать семью.

Моя самая близкая подруга когда-то бегала в высокие кабинеты... с двухлетним ребенком под мышкой. На интервью и за комментариями. Время было такое — 90-е, пресса востребована, у пишущих подъем, нельзя было упустить работу. А садики были переполнены, жить было не на что, и полноценный декретный отпуск она себе позволить не могла. Вы спросите, были ли у нее муж? Ну да. Он и сейчас как бы есть.

Были времена, когда быть незамужней в 30–40 лет считалось неприличным. А сейчас? Сейчас огромная часть женщин, даже живя в семье, не понимает, на кой ляд это нужно. Действительно: для чего? Одни боятся признаться себе и детям, что, сотворив брак в обоих смыслах этого слова, ужасно ошиблись. Другие вынуждены думать об общественном мнении, о совместно нажитом имуществе, боятся остаться одни в старости, лишиться детей отца...

Совершенно случайно наткнулась в интернете на писанное как раз «в тему» заместителем главного редактора российской газеты «Ведомости» К. Харатьяном: «...Семьи — наиболее далеко ушедший продукт эволюции женского народа, там мужчины не нужны даже формально. У них обычно бабушка прекрасно обращается с «болгаркой» и способна покрыть крышу рубероидом. Но вообще-то все русские женщины живут, существуют и терпят окружающую действительность ради одного-единственного Главного Свидания, которое, как они предполагают, открывает им дорогу в подлинную жизнь. Что это за Свидание, мужскому мозгу не понять. Но женщины мечтают встретить существо своего, **женского народа**, но иного пола. Некоторые из них заблуждаются, думая, что отыскали среди мужчин кандидата для своего Главного Свидания, и по наивности своей любят его всю жизнь; но большинство, и особенно в современном мире, уже осознало, что мужчины могут быть всего лишь временным субституттом, жалкой подменой Главного Свидания; краткий миг, продолжающийся максимум год, они готовы обманывать себя...»

Женитесь, если невыносимо расставание...

Мне очень повезло выйти замуж раньше, чем я научилась думать и писать, и две дочки мне наградой за безрассудную храбрость.

Семья

В какой-то момент — на изломе тысячелетия — я вывалилась из минского гнезда и порулила на Москву. Дети потом приехали следом, муж остался в Минске — хранить очаг. Потом отстала от нашего каравана старшая дочка, найдя в Индии качающего нефть суженого-россиянина, сейчас она с ним «качает нефть» во Вьетнаме. В итоге четверо из моего гнезда живут в трех разных частях света — наступил век глобализации.

Зачем мне было уезжать? Новое тысячелетие совпало с кризисом среднего возраста, мне захотелось прожить какие-то новые неведомые жизни, и я их прожила: политического репортера в «Рейтер», певца цветных революций в «РИА Новости», потом была невероятная работа корреспондентом в Индии, сейчас вот пописываю из Нью-Йорка.

Теперь, в Нью-Йорке, конфигурация моей семьи выглядит так: дочка — первокурсница колледжа, верный пес и подобранный в соседнем дворе кот. Большинство семей на улице, где я живу, — или бездетные пары, или одинокие люди. Одиночка — весьма типичное явление здесь, и мне показалось, что в Нью-Йорке это ощущается как норма, а не отклонение. В качестве объекта первой бытовой необходимости муж потихоньку утратил значение — по крайней мере, с тех пор, как женщина научилась сама себя обеспечивать и открывать шампанское, ибо сервис всех остальных услуг в мировых столицах довольно развит.

Мужчины в таком обществе тоже не нуждаются в постоянно живущей рядом женщине, которая, по традиционной белорусской версии, должна стирать рубашки или варить суп. Всем

этим здесь занимаются специально обученные люди, достаточно только позвонить по телефону.

Однажды я поинтересовалась у старого нью-йоркского безнадежного холостяка, отчего он не женился, и тот недоуменно ответил: «Но мне же еще только 50!»

Профнепригодность

Я видела очень разные модели семьи, но сама выросла в традиционной — с папой и мамой. Я попыталась создать подобную же модель на время возвращивания своих детей. Но с традиционно-бытовой точки зрения, журналистки — едва ли лучшие жены-подруги на свете. По крайней мере, я — точно нет.

Самолеты падают как раз тогда, когда у вас чрезвычайно приятное и ответственное свидание — и свидание приходится отменять. Лидеры уходят в отставку — непременно, когда у вас в кармане билет в романтическое путешествие. В день школьного родительского собрания, как правило, происходит обязательный служебный «ивент». А когда наконец покидаешь офис, выясняется, что уже готовую историю надо доделать или переделать, потому что новости, как и жизнь, имеют свойство не стоять на месте.

Приходила ли я когда-нибудь на заранее назначенную «частную» встречу вовремя? Нет! Даже если ничего не случилось, меня трудно оторвать от компа, потому что всегда кажется, что вот сейчас монитор выбросит «молнию», и надо будет куда-то мчаться, звонить, писать...

Чтобы ЛЮБИТЬ «отпетую» журналистку, мужчине нужна достаточная самоотверженность — уникальный

дар в наш век рационализма. Спасибо этим героям.

Кризис жанра

Журналисты моего поколения начинали писать материалы ручкой на бумаге и потом относили пачки листов машинисткам, нашим «музам» — помните? Потом мы стали сами долбить на машинках свои мысли, потом появились компьютеры, лэптопы, мобильники — и вот нам знакома уже мультимедийная журналистика.

Я помню, когда-то у меня даже брали интервью о том, что я чувствую, сидя за рулем, — так нетипично это было: видеть крутящую баранку собственного авто женщину... А как ворвался в нашу жизнь и промчался мимо пейджер?

Мы пережили распад СССР — вне зависимости от того, скорбели или радовались этому, но то было крушением привычных устоев и ценностей. Пока мы сражались за либеральные идеи, прагматики составляли первичный капитал. Мы строили демократию, а получали в итоге автократию.

Я по уши влюблялась в свои истории и их героев, я возвращалась другой от стен «Норд-Оста», из Беслана, мы все менялись, глядя, как разваливались незыблемые режимы и незыблемые идеи.

Все двинулось быстрее — время и строки сжались, вместо полосного отчета о съезде профсоюзов — «молния», «срочно», «версия». Для тех, кто работает в информагентствах, впридачу включен секундомер — кто отпишется быстрее. Время стало раскручивать какую-то центрифугу дезинтеграции.

... Когда моя старшая девочка была маленькой, мы купили ей хомячка. А

Лариса САЕНКО,
РИА Новости, Нью-Йорк

потом еще одного — мы были уверены, что два хомячка в стеклянной банке обречены на любовь взамен одиночества. Вместо этого более крупный хомяк постоянно топтался на голове у покорно-испуганного розово-бежевого, пытаюсь выскочить из стеклянного трехлитровика.

Что-то похожее происходило в семьях, где мы так напоминали хомячков, заброшенных кем-то невидимым в клетушки наших квартир, в сонмище одноликих многоэтажек.

В моем окружении распались почти все браки — неважно, была ли женщина балетмейстером или продавцом на лотке. Патриархальная семья впала в кризис жанра.

Новаторское искусство

В Нью-Йорке и соседствующих северных штатах либеральной Новой Англии я нередко вижу однополые пары и даже семьи — здесь не только регистрируют такие браки, но и разрешают усыновление детей. Их младенцы могут носить майки со слоганами: «Я люблю своих обоих пап», — или «мам», в зависимости от состава семьи.

«Все смешалось в доме Облонских». Семья из двух мужчин с годовалым ребенком, которую я встретила на вернисаже Джефа Кунса в музее Метрополитен, впервые показалась мне житейским делом. Примиряющим моментом стало то, что оба «папы» были без макияжа и штанишек в обильку.

Республиканцы еще сражаются за конституционный запрет однополых семей, а двери института брака уже штурмуют так называемые «открытые» семьи (по-простому — численностью больше двух человек), требующие также полной и узаконенной легализации отношений в своей семейной бригаде.

Наверняка, где-нибудь в Масачусетсе в скором времени признают и их право на счастье. Мне кажется, это правильно. Нельзя регламентировать, о чем человеку думать, кого любить или с кем жить.

И, несмотря ни на что, люди таки женятся. Просто он и она. И не только потому, что со штампом в паспорте меньше налоги и дешевле бюджет. Людям стоит это делать, когда нет никакой иной причины сосуществовать под одной крышей, кроме невозможности, невыносимости расставания.

Конфликт ожидания, или «Новые» женщины против «старых» мужчин?

Недавно мне для иллюстрации текста об отношении нашего общества к людям, не состоящим в браке, потребовались статистические данные. Я прошла по этажу редакции, на котором работаю, и выяснила, что здесь из 40 сотрудников только 20 человек имеют «брачный» штамп в паспорте. При этом подавляющее большинство тех, кто штампа не имеет, — женщины, чей средний возраст составляет 33 года. А большинство состоящих в браке — мужчины.

Разумеется, обстоятельства у всех незамужних свои. Кто-то живет с партнером, «не регистрируясь», кто-то находится в разводе, кто-то — в активном поиске. Поскольку нас интересуют причины роста числа незамужних женщин среднего возраста, мы не будем касаться ситуаций, когда брак формально существует, а отношений нет. Тем не менее действительно можно говорить о том, что «одиноких» (я использую это слово в качестве описания брачного статуса, без психологических коннотаций, за отсутствием в русском языке адекватного эквивалента английскому слову *single*) женщин среди журналистов заметно больше. Я не проводила более широкого количественного исследования. Но убеждена, что примерно такую же картину можно обнаружить в любом столичном СМИ.

Почему среди минских журналисток так много женщин-одиночек, что это даже стало заметно? Речь идет о дамах из большого города, с высшим образованием, карьерно ориентированных и с достатком «выше средней заработной платы»...

Прежде чем высказать догадки и предположения о причинах феномена, необходимо хотя бы бегло

Анна ШАДРИНА,
зам. главного редактора газеты
«СБ. Беларусь сегодня»,
магистр социологии, Минск

упомануть о трансформации института семьи в целом.

Глобальные причины изменения брачного поведения, в частности, ведущие к росту количества несемейных людей, исходя из отсутствия экономической необходимости вступать в брачные союзы. Сегодня взрослый работающий человек может прокормить себя сам. Кроме того, несколько ослабло представление общества о моральных нормах. К примеру, развод сейчас не считается чем-то постыдным. А широкое распространение контрацепции привело к разделению секса и воспроизводства. Пары, вступающие в интимные отношения, могут делать это ради удовольствия, без намерения продолжать род.

Существенная отличительная черта современного матримониального поведения — более поздний возраст вступления в брак. Супружество теперь не обязательно подразумевает совместное проживание, в свою очередь, совместное проживание не требует заключения брака, как и деторождение. Кроме того, во всем мире растет количество людей, не вступающих в брак.

Чтобы еще ближе подобраться к проблеме, предлагаю обратить внимание на саму постановку вопроса. Почему общество «беспокоится» насчет формы организации частной жизни в одних группах и мало «тревожится» о том, как живут представители других групп? А именно: почему речь идет о «зрелых» женщинах-профессионалах, но не о коллегах-мужчинах или студентках журфака? Полагаю, потому, что «мы имеем дело» с женщинами, подходящими к «критическому» возрасту для определения с репродуктивными планами. Главный посыл вопроса: «Когда ты уже определишься (выйдешь замуж, выберешь партнера)?», который так часто слышат одиночки, можно интерпретировать так: «Когда ты собираешься родить?»

Осознав, что количество не рожаящих женщин растет, общество беспокоится за свою выживаемость. К примеру, в США серьезные исследования проблемы начались в конце 80-х годов, что привело к возникновению не только научных изысканий, но и дискурса о синглах как такового. «Там» об этом говорят, не стесняясь («Секс в большом городе», «Дневник Бриджит Джонс», «Когда Салли встречает Гарри» и т. д., и т. п.). В «нашей части света» мы только подбираемся к теме. И пока причины явления официально не изучены и не вынесены в медиа (я подразумеваю социологические исследования, кино, литературу, СМИ), общество отвечает на скрытую «демографическую угрозу» бессознательной агрессией в отношении так называемых одиноких женщин.

Я проанализировала «проблемные» тексты периодической печати за 2005–2007 годы в Беларуси. И кроме обвинений в эгоизме, нежелании продолжать человеческий род, закомплексованности, трудностях в общении не обнаружила других форм подхода к теме. То есть предпринятые до сих пор попытки говорить о синглах и чайлдфри представляли собой банальное цитирование обывательского суждения: «Это плохо». Но никто не попытался применить к проблеме марксистскую оптику анализа, через доступ к ресурсу. А это было бы полезно.

Если мы хотим установить общее в социальной группе, необходимо отбросить многообразие личных обстоятельств каждой конкретной жизни. Что

я и попыталась сделать в собственном исследовании, основанном на интервью с женщинами-профессионалами среднего возраста, не состоящими в браке.

Вот мои выводы:

1. Информатизационная экономика и жесткие конкурентные условия при глобальном капитализме формируют представление о семье и семейных обязанностях как о дополнительной, нежеланной, неоплачиваемой работе.
2. Семья по-прежнему является наиболее удобной и желанной формой для осуществления репродуктивных планов. Медиа формируют представление о полном счастье человека только через обретение «второй половинки» (постоянного партнера) и потомства. Большинство женщин «среднего возраста» нацелено на создание отношений с «перспективами».
3. Карьерно ориентированные женщины откладывают матримониальные планы в пользу роста в профессии из-за существующего гендерного порядка, при котором основная работа по поддержанию жизнедеятельности членов семьи (неоплачиваемый домашний труд) является женской обязанностью. Мужчинам, свободным от этих обязанностей, семейное положение не затрудняет достижение карьерных целей. Кроме того, большинство мужчин в постсоветской Беларуси вступает в брак в возрасте 25–26 лет. Для женщин среднего возраста, утвердившихся в публичной сфере и готовых к осуществлению репродуктивных планов, остается мало шансов найти «свободного» партнера, отвечающего ожиданиям (возраст, статус, представления о партнерстве).
4. Проблема совмещения карьеры и материнства остается одной из важнейших тем социальной справедливости. Действующие нормы в сфере труда создают препятствия для равноценного участия мужчин и женщин в профессиональном продвижении. При существующих условиях, когда ответственность за детей полностью возложена на женщин, многие профессионалки боятся выбрать материнство, рискуя потерять положение в публичной сфере.
5. Устаревшие гендерные контракты, не подразумевающие равноправных партнерских отношений, провоцируют конфликт ожиданий между «новыми» успешными женщинами и «старыми» мужчинами, не желающими расставаться с привилегиями своего пола, что в свою очередь подталкивает женщин делать выбор в пользу одиночного проживания.
6. Доминирующий дискурс о нормативной семейности / парности в качестве основного метода репродуктивной стимуляции не дает ожидаемых результатов в силу вышеперечисленных причин. Для того чтобы женщины-карьеристки рожали, необходимо менять представление о роли отца в семье, а также нормы в сфере труда, обеспечивающие равное отношение работодателя к сотрудникам, имеющим семейные обязанности, вне зависимости от пола.
7. Следуя западному опыту, предположим, что действенной мерой репродуктивной стимуляции в исследуемой группе может послужить артикуляция проблемы в публичной сфере, которая спровоцировала бы научные исследования и общественные дискуссии. Для любой из «одиноких» женщин важны опыт и аргументация тех, кто проживает схожий жизненный сценарий.

Працы на конкурс «Вольнае слова – 2008» прымаюцца да 15 студзеня

На конкурс прымаюцца журналісцкія матэрыялы, апублікаваныя з 1 студзеня па 31 снежня 2008 года ўключна. Даслаць творчыя працы неабходна да 15 студзеня (па паштовым штампе). Прымаць удзел у конкурсе маюць права сябры ГА «БАЖ».

Намінацыі конкурсу:

1. **Найлепшы інфармацыйны матэрыял** (рэпартаж, інфармацыйнае паведамленне, інтэрв'ю).
2. **Найлепшая аналітычная публікацыя** (артыкул дыскусійнага, аналітычнага, тлумачальнага плану, карэспандэнцыя, рэцэнзія).
3. **Найлепшая публікацыя літаратурна-мастацкага жанру ў журналістыцы** (нарыс, эсэ).
4. **Журналісцкае расследаванне.**

У кожнай з чатырох намінацый плануецца ўручыць тры грашовыя прэміі (1-е месца — 300 000 рублёў, 2-е месца — 200 000 рублёў, 3-е месца — 100 000 рублёў) і ганаровыя дыпламы БАЖ.

5. **Намінацыя «Дэбют»** — для пачаткоўцаў і маладых журналістаў, стаж працы (альбо супрацоўніцтва з рэдакцыяй) якіх не перавышае трох гадоў.

Пераможцу намінацыі «Дэбют» уручаюцца заахвочвальная прэмія і ганаровы дыплом БАЖ.

Больш падрабязна пра ўмовы і патрабаванні — на www.baj.by

Свае публікацыі вы можаце перадаць у офіс ГА «БАЖ» асабіста ці выслаць па пошце заказным лістом з пазнакай на канверце «Конкурс».

Наш адрас: 220030, г. Мінск, пл. Свабоды, 17 — 304.

Польскі Інстытут у Мінску абвешчае IX конкурс імя Ежы Гедройца

на лепшую журналісцкую працу ў беларускіх СМІ за 2008 год на тэму польска-беларускіх стасункаў у галіне культуры, навукі і мастацтва. Умовай удзелу ў конкурсе з'яўляецца прадстаўленне **да 31 студзеня 2009 года** ў Польскі Інстытут у Мінску арыгіналаў альбо копій апублікаваных у 2008 годзе артыкулаў, гука- і відэазапісаў перадач з пазначэннем даты публікацыі, трансляцыі, а таксама з інфармацыяй пра аўтара: месца працы і пасада, паштовы адрас, кантакты тэлефон. Адрас: Польскі Інстытут у Мінску вул. Валадарскага, 6 220050 Мінск з пазнакай «На конкурс»

Конкурс для журналістаў, якія абараняюць правы сексменшасцяў

Конкурс абвешчаны беларускім парталам gay.by разам з Міжнароднай асацыяцыяй сексменшасцяў па культуры (ILGCN).

Заснавальнікі конкурсу «П'еро» маюць намер узнагародзіць карэспандэнтаў друкаваных, тэле-, радыё- ды інтэрнет-СМІ за заклік да талерантнага стаўлення да прадстаўнікоў сексуальных меншасцяў, за процідзеянне гамафобіі і дыскрымінацыі ў дачыненні да гомасексуалістаў.

«Прэмія «П'еро» — гэта не проста прэмія, а прызнанне прафесіяналізму журналістаў, якія ў сваіх артыкулах выступаюць таксама і ў ролі праваабаронцаў», — падкрэслівае рэдактар gay.by **Аляксандр Палуян**. Для ўдзелу ў конкурсе прымаюцца матэрыялы, што пабачылі свет з 1 студзеня 2008 г. да 1 сакавіка 2009 г. Працы прапануецца дасылаць на award@gay.by

